

АЛЕКС СЕРЕБРОВ

ПЛЕННИЦА
СЕВЕРНОГО
МАГИСТРА

Алекс Серебров

Пленница Северного магистра

«Автор»

2026

Серебров А.

Пленница Северного магистра / А. Серебров — «Автор», 2026

Лавиния Орсен приезжает на Север ради мира — и на церемонии становится главной подозреваемой в убийстве принца. Его кровь не высыхает на её руках, а складывается в карту, ведущую к крепостям, которых нет ни в одном официальном маршруте. Северный магистр Торен Вард должен расследовать смерть принца — и удержать Лавинию под стражей. Но вместо покорной пленницы получает дипломатку, которая добивается права видеть доказательства, оспаривать решения и участвовать в расследовании. Потому что там, где Торен читает магические печати, Лавиния умеет читать договоры, тарифы и деньги. Пять крепостей. Четырнадцать дней до новой войны. И след, который ведёт к людям по обе стороны границы, слишком хорошо умеющим зарабатывать на чужой крови. Чтобы добраться до правды, Лавинии и Торену придётся научиться доверять друг другу. Вот только для неё довериться человеку, который ещё недавно имел власть лишить её свободы, может оказаться опаснее любой магии.

© Серебров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алекс Серебров

Пленница Северного магистра

Глава 1

К моменту, когда мне в третий раз принесли договор о мире, я уже знала две вещи о северном дворце.

Во-первых, здесь экономили на отоплении не из бедности. Каменные стены зала переговоров оставались холодными даже возле жаровен, и каждый южанин через четверть часа начинал держать руки ближе к чашке, чем к бумагам. Холод заставлял торопиться. Торопящийся человек хуже читает мелкий текст.

Во-вторых, северяне очень любили слово «окончательный».

Окончательная редакция лежала передо мной уже в третий раз.

Я провела пальцем по нижнему краю страницы, проверяя номер листа, затем подняла последний раздел к свету. Бумага была той же плотности, водяной знак совпадал, подписи на предыдущих страницах никто не трогал. Изменение спрятали аккуратнее: приложение о поставках получило новую нумерацию, а вместе с ней в четвёртый пункт вернулось условие, которое мы сняли два дня назад.

Я положила лист обратно.

— Нет.

Северный секретарь, стоявший по другую сторону длинного стола, несколько секунд смотрел на меня так, словно за всё время переговоров ещё не успел выяснить, насколько именно мне нравится это слово.

— Советница Орсен, церемония начинается через двадцать минут.

— Тогда у нас осталось девятнадцать.

Его рот стал тоньше.

Рядом с локтем лежала моя дорожная папка, уже потрёпанная после трёх недель пути из Лиоры. В ней хранилась копия предварительного протокола, подписанного вчера мной и северной делегацией. Именно подписанного. Сегодня нам предстояло не договариваться заново, а публично наложить королевскую печать, после чего текст уходил на окончательную ратификацию обеим сторонам.

Разница была не декоративной.

— Пункт четвёртый приложения семь, — сказала я. — В подписанной версии Север может менять распределение железа между внутренними округами. Здесь добавлено право перенаправлять металл, уже включённый в совместные поставки.

— Только при угрозе границе.

— Формулировка «при подтверждённой Советом угрозе» снята.

Секретарь посмотрел в документ.

Не признал ошибку. Это было бы слишком удобно.

— Возможно, редакционная правка.

— Тогда редактор сможет поставить под ней своё имя.

В Вардене, столице Скарденской короны, многое делали сурово, но мало что делали анонимно. За три дня я успела оценить эту местную особенность. Северянин мог оставить человека без дороги, денег и дров, однако сначала требовалось правильно заполнить форму.

Секретарь потянулся к колокольчику.

Я закрыла приложение ладонью.

— Сначала принесите экземпляр из вчерашнего реестра. И регистрационную книгу.

— Вы сомневаетесь в подлинности документа?

— Я проверяю документ.

Он всё-таки позвонил.

Дверь открылась почти сразу. Стражник у порога не вошёл — только передал распоряжение дальше. Здесь каждое помещение было устроено так, чтобы хозяин пространства видел вход раньше вошедшего. Даже зал договора имел одну основную дверь для делегаций и узкий служебный проход за северной половиной стола. Южной стороне достались окна.

Высокие, красивые и не открывающиеся.

Я ещё раз перечитала спорную строку.

Если оставить её сейчас, после первой пограничной тревоги совместные поставки железа можно было остановить решением одного северного органа. Лиора ответила бы зерном. Через неделю мирный договор превратился бы в список взаимных нарушений, хотя формально никто его не нарушил.

Министр торговли Северан АVELь, мой наставник и человек, отправивший меня сюда главой договорной миссии, называл такие пункты «семенами будущего торга».

Я предпочитала не высаживать их в документах о мире.

— Вы всё ещё здесь.

Голос прозвучал справа, от служебной двери.

Принц Эйрик Карс вошёл без свиты, что для представителя северной короны я уже научилась считать разновидностью демонстрации. Ему было двадцать восемь, но на официальных заседаниях он умел выглядеть старше, пока не начинал раздражаться. Сейчас по тому, как он стягивал перчатки, я решила, что раздражение пришло раньше него.

— До церемонии девятнадцать минут, — сказала я.

— Семнадцать.

Я посмотрела на настенные часы.

— Север всё-таки нашёл способ сократить время переговоров.

Угол его рта дёрнулся, но взгляд уже ушёл к документу.

— Что вернули?

Я развернула приложение к нему.

Эйрик прочитал быстро, затем медленнее — второй раз. Он не стал говорить, что это ошибка секретаря, не пообещал немедленно всё исправить и вообще не сделал ничего из того, что обычно делал человек, желающий закончить неприятный разговор.

Вместо этого спросил:

— Кто принёс этот экземпляр?

Секретарь выпрямился.

— Документы поступили из церемониальной канцелярии, ваше высочество.

— Я спрашивал не откуда. Кто?

Тот назвал фамилию регистратора.

Эйрик снова посмотрел на приложение. Потом на меня.

— Вчерашний экземпляр у вас?

Я вынула копию из папки.

Он не взял её из моих рук, а наклонился над столом. Мне понравилось это не больше и не меньше, чем положено нравиться человеку, который не трогает чужие документы без разрешения. То есть я отметила факт и продолжила работу.

Его палец остановился возле таблицы поставок.

— Здесь за последние два месяца тоже не сходятся цифры.

— Какие?

— Северный гарнизонный резерв.

Я подняла взгляд.

— Его нет в этом приложении.

— Вот именно.

Теперь он смотрел не на текст, а на дверь, через которую ушло распоряжение секретаря.

В зале было человек пятнадцать: по четыре члена делегаций, писцы, два регистратора, охрана. Ничего такого, что требовало бы говорить загадками.

И всё же принц снизил голос.

— Вы сверяли фактические поставки соли и железа с объёмами, заявленными на пограничные крепости?

— По тем ведомостям, которые получила моя канцелярия.

— И?

— Север три месяца потреблял больше железа, чем следовало из численности гарнизонов. Соль — примерно по норме.

Эйрик коротко постучал ногтем по таблице.

— Не по норме.

— Тогда мне не дали полный реестр.

Он уже открыл рот для ответа, но в зал вошли люди, которых ждали для церемонии.

Разговор пришлось закончить не потому, что он потерял важность, а потому, что вокруг нас одновременно изменились доступ и порядок действий.

Первым появился старший дворцовый регистратор с запертой металлической коробкой. За ним — двое хранителей печатей. Потом ещё четыре северных чиновника.

Последним вошёл мужчина в чёрном мундире без церемониального серебра.

Мне не потребовалось представление, чтобы понять, кто из присутствующих обладал правом закрыть зал.

На его груди не было советской цепи, только тёмная застёжка и небольшой знак у воротника. Охрана у двери не вытянулась и не поклонилась — просто одновременно стала внимательнее.

Северный магистр Торен Вард.

Я видела его имя в протоколах безопасности. Высший следователь по преступлениям против Короны, допущенный к кровавым печатям, дворцовым архивам и тем местам, которые обычный человек обычно узнавал уже после того, как нарушил запрет на вход.

Торен остановился возле двери и оглядел зал.

Не людей по очереди. Выходы, окна, хранителей, коробку с печатью.

Потом — меня.

Взгляд задержался на открытом приложении.

— У нас задержка? — спросил он.

— У нас несогласованный текст, — ответила я.

Секретарь рядом тихо вдохнул.

Эйрик протянул магистру лист.

Торен прочёл спорную строку, перевернул страницу, проверил номер приложения.

— Эта редакция не соответствует вчерашней регистрации.

Никакого удовольствия от моей правоты я не испытала. Она стояла нам уже девяти минут.

— Значит, церемониальный экземпляр заменяют, — сказала я.

— После сверки реестра.

— Разумеется.

Вот теперь секретарь посмотрел на нас обоих с одинаковой неприязнью. Международное сотрудничество иногда начиналось с малого.

Вчерашнюю книгу принесли через три минуты. Запись подтвердила мою копию. Ошибочный экземпляр не уничтожили — Торен велел отдельно зафиксировать, откуда тот поступил, и передать в канцелярию проверки.

Мне это понравилось больше, чем если бы он просто приказал сжечь страницу и начать сначала.

Человек, который сохранял собственную ошибку как улику, представлял опасность другого рода.

Церемония началась на двенадцать минут позже.

Нас переставили вокруг центрального стола согласно протоколу. Южная делегация справа, северная слева. Я стояла ближе всех к договору, поскольку именно моя подпись завершала южную часть предварительного соглашения. Напротив расположился Эйрик как представитель Короны.

Торен остался у дальней стороны стола.

На этот раз я понимала причину: оттуда он видел обе двери.

Металлическую коробку поставили между нами.

Старший регистратор назвал дату, место, участников и номер протокола. Я слушала не из уважения к традиции, а потому, что ошибка в одной цифре могла через месяц стать основанием утверждать, будто печать наложили на другой документ.

Ошибки не было.

Первым подтвердили страницы.

Потом подписи.

Затем хранитель открыл коробку.

Внутри на тёмном бархате лежала малая королевская печать, чаша с густой красной смесью и узкий серебряный инструмент, похожий на плоскую иглу.

Я уже видела северные кровавые печати на таможенных документах. Обычно в них использовали подготовленный состав, который реагировал на зарегистрированную кровь носителя полномочия. Для иностранцев это выглядело впечатляюще. Для торгового советника — дорого: один церемониальный оттиск стоил примерно столько же, сколько недельное снабжение пограничного поста.

Я следила прежде всего за тем, кто касался чаши.

Хранитель снял крышку.

Регистратор проверил пломбу.

Эйрик подал левую руку.

Серебряный инструмент коснулся его пальца.

Капля крови упала в чашу.

Красная смесь дрогнула.

И тогда принц замер.

Сначала я решила, что он порезался глубже, чем следовало. Потом его пальцы резко сжались на краю стола.

— Эйрик?

Он посмотрел на чашу.

В красной поверхности проступили тонкие тёмные нити.

Торен оказался рядом раньше охраны.

— Не трогать печать.

Хранитель отдёргнул руки.

Эйрик качнулся.

Я сделала шаг к нему, но принц сам потянулся через стол. Не к Торену. Не к регистратору. Ко мне.

Его пальцы сомкнулись на моей правой кисти.

Слишком сильно.

— Что вы...

Под кожей его руки прошла чёрная линия.

Он перевернул мою ладонь вверх и прижал большим пальцем к основанию моего запястья.

Боль была короткой, как от укола.

Я попыталась выдернуть руку.

— Отпустите.

Эйрик разжал пальцы сразу.

Потом рухнул.

Я успела поймать его плечо, но не вес. Колено ударилось о камень, край стола прошёл возле виска, и мы оба оказались на полу. На моей ладони осталось что-то тёплое.

Кровь.

— Врача! — крикнул кто-то.

Торен опустил с другой стороны.

Он не стал спрашивать принца, что произошло. Два пальца легли на шею, потом магистр резко поднял голову.

— Закрыть двери. Никого не выпускать.

Створки захлопнулись.

По залу пошло движение: стража перекрывала выходы, южные советники заговорили одновременно, один из хранителей шагнул к столу.

Я увидела его руку возле чаши.

— Не трогайте состав.

Он остановился.

— Советница, отойдите.

— Если сейчас убрать чашу без фиксации, мы потеряем порядок доступа.

Торен поднялся.

— Отойдите от тела.

Я посмотрела на Эйрика.

Тот не двигался. Кожа возле губ уже потеряла цвет, который можно было объяснить холодом зала.

Я убрала руки и встала.

На моей правой ладони была его кровь.

— Регистратор, — сказала я. Голос оказался ниже обычного. — Кто после вскрытия коробки касался смеси?

Старший регистратор смотрел на принца.

— Я...

— Имя и действие.

Он моргнул.

Торен повернул к нему голову.

— Отвечайте.

— Я проверил пломбу. Хранитель Орд снял крышку. Больше никто.

— Зафиксируйте это сейчас, — сказала я. — И запечатайте чашу вместе с инструментом.

Один из северных чиновников резко обернулся ко мне.

— Его высочество мёртв, а вы распоряжаетесь уликами?

— Именно потому, что он мёртв.

Я показала на стол.

— Через пять минут здесь будет двадцать человек, каждый уверенный, что спасает государство. После этого установить цепочку доступа станет невозможно.

Торен смотрел на меня несколько секунд.

Потом указал регистратору:

— Выполняйте. Остаток смеси, инструмент, коробка. Отдельные пломбы. Указать всех присутствующих.

Чиновник открыл рот.

— Магистр...

— Вы тоже будете указаны.

Тот замолчал.

Регистратор достал чистый пакет и книгу.

Только после этого Торен снова повернулся ко мне.

— Руки держите перед собой.

Я посмотрела вниз.

Кровь Эйрика размазалась от основания пальцев к запястью. На коже оставалась и маленькая красная точка там, куда он надавил перед падением.

— Вы считаете, что я что-то спрятала?

— Я считаю, что вы последней находились с ним в физическом контакте.

Факт.

Неприятный, но спорить с ним было бессмысленно.

— Тогда зафиксируйте также, что первым контакт начал принц.

— Зафиксируем.

— И что до этого я не касалась ни чаши, ни инструмента, ни королевской печати.

— Если свидетели подтвердят.

Вот это уже была формулировка, с которой можно работать.

За спиной Торена регистратор запечатывал чашу. Я дождалась, пока восковая полоса ляжет на край пакета.

— Советница Лавиния Орсен, — сказал Торен.

Полное имя прозвучало слишком официально даже для комнаты, где только что умер принц.

Я посмотрела на него.

— До установления причины смерти и происхождения состава вы задержаны в связи с нападением на представителя Короны.

Южный советник рядом со мной выругался.

Я не стала.

— На каком основании именно я являюсь подозреваемой, кроме последнего контакта?

— Кровь принца находится на ваших руках. Он умер в момент церемонии договора, который вы представляете. До смерти он сознательно коснулся вас.

— Последнее скорее делает меня свидетелем.

— Возможно.

— «Возможно» не является статусом.

На лице Торена ничего заметно не изменилось.

— Сейчас ваш статус — задержанная участница происшествия до первичного установления обстоятельств.

— Это формулировка из закона или ваша?

Пауза длилась недолго.

— Моя.

— Тогда я требую дословной записи этой формулировки и свидетеля задержания.

Слева кто-то раздражённо сказал:

— Вы серьёзно торгуетесь сейчас?

Я повернула голову.

— Нет. При торге обе стороны получают что-то взамен.

Тишина оказалась полезнее продолжения.

Торен подозвал регистратора.

— Запишите требование советницы. Вы будете свидетелем процедуры.

— И дипломатический протест моей делегации, — добавила я.

— Его может подать глава вашей миссии.

— Я глава миссии.

Теперь его взгляд задержался на мне чуть дольше.

Не удивление. По крайней мере, я не собиралась придумывать ему эмоцию, когда у меня и без того хватало проверяемых проблем.

— Запишите, — повторил он регистратору.

Я перевела взгляд на двери.

Обе закрыты. Четверо стражников. Южная делегация внутри. Мой дорожный плащ и папка лежали на стуле в шести шагах. Бежать было некуда и незачем. Даже если бы окно открывалось, третий этаж и северный двор внизу превращали побег в способ быстро доказать чужую версию событий.

Нужны были документы, свидетели и сохранённая смесь.

Пока все три оставались в зале.

Торен достал из кармана узкую металлическую пластину.

— Я запечатаю кровь на ваших руках до осмотра.

— Что значит «запечатаю»?

— Остановлю изменение вещества и не дам вам случайно стереть след.

— Это магическое воздействие на тело?

— На кровь поверх кожи.

Я посмотрела на его руки.

Пальцы были голыми. На тыльной стороне правой кисти под кожей проступали светлые, почти белые линии, словно от старых ожогов.

— Больно?

— Холодно.

— Это не ответ.

— Обычно нет.

Обычно меня не устраивало, однако сейчас у меня не было достаточного знания, чтобы предложить лучший способ сохранить улику.

— Делайте. Регистратор остаётся свидетелем.

Торен не спорил.

Он поднёс металлическую пластину к моей ладони, не касаясь кожи.

Холод пришёл сразу.

Не воздух стал холоднее — он уже был достаточно мерзким, чтобы Север мог включить его в переговорную позицию. Холод возник в самой крови на ладони. Жидкость потемнела, края пятен начали схватываться.

Я смотрела внимательно.

Сначала ничего не происходило.

Потом красная полоска у основания большого пальца дрогнула.

Я решила, что рука задрожала, и прижала локоть к боку.

Полоска двинулась снова.

Вверх.

Против наклона ладони.

— Магистр.

Торен уже смотрел туда же.

Холод вокруг металлической пластины усилился. На его пальцах побелели костяшки.
Кровь не остановилась.

Тонкая красная линия поползла к запястью, достигла точки, где Эйрик сжал мою руку перед смертью, и там разделилась надвое.

Одна ветвь ушла к внутренней стороне предплечья.

Вторая повернула поперёк.

Регистратор перестал писать.

Я медленно опустила руку ближе к свету.

Это не было пятном.

Линии держали расстояние друг от друга, поворачивали под одинаковыми углами и сходились там, где никакая растёкшаяся кровь сходиться не должна.

Я видела такие формы каждый день последние полгода.

Не на коже.

На картах торговых трактов.

Торен убрал пластину.

— Не двигайтесь.

— Я и не собиралась.

Красная линия дошла до запястья и закончилась маленьким знаком из трёх пересечений.

Я знала десятки северных таможенных меток.

Этой среди них не было.

Зато направление я поняла.

Линия шла из Вардена на север.

Глава 2

К рассвету я выяснила, что Магистерский архив умеет содержать пленников с уважением к государственному имуществу.

Комната, в которую меня привели после дворца, была рассчитана на одного человека и один замок снаружи. Кровать — узкая, но с двумя шерстяными одеялами; у стены — стол, таз с водой, кувшин и глиняная кружка без трещин. На подносе оставили хлеб, сыр и горячий отвар. Окно начиналось выше моего плеча, а створка открывалась всего на ладонь. На двери изнутри не было ни ручки, ни щеколды.

Содержание получалось вполне человеческим, если не считать того, что выйти из него человек самостоятельно не мог.

Я съела половину хлеба. После нескольких часов без сна голод оказался убедительнее возмущения, а мне предстояло спорить с людьми, у которых были закон, оружие и привычка считать Север центром разумного устройства мира. Для этого лучше было не падать в обморок.

Кровь Эйрика всё ещё лежала на правой кисти тонкими тёмными линиями. После того как Торен наложил временную печать, она перестала двигаться и словно подсохла, хотя я видела слишком отчётливый красный цвет между линиями, чтобы поверить в обычную корку. По краю запястья тянулся белёсый холодный ободок. Касаться его мне запретили.

Запрет был устным.

Это раздражало сильнее холода.

Я успела проверить кувшин, окно, расстояние от кровати до двери и количество шагов караула в коридоре, когда снаружи щёлкнул ключ. Вошёл Торен, за ним — женщина лет сорока с небольшим, в тёмно-сером платье и с двумя плоскими папками под мышкой. Третьим появился молодой архивный служащий с чернильницей и складной доской для письма.

Незнакомая женщина не стала ждать представления.

— Мира Сенн, старшая регистраторша Магистерского архива. Я удостоверяю всё, что сегодня будет сказано о вашем статусе, доступе к материалам и состоянии вещественного доказательства.

Она положила папки на стол и посмотрела на мою руку.

Не с жалостью. С тем выражением, с каким хороший бухгалтер смотрит на чужой баланс, в котором уже заметил ошибку, но ещё не решил, дорого ли она обойдётся.

— Лавиния Орсен, — ответила я. — Глава южной договорной миссии. Сейчас, насколько понимаю, пленница без оформленного основания.

— Задержанная, — сказал Торен.

Я перевела на него взгляд.

— Вчера вы назвали меня задержанной участницей происшествия. За ночь формулировка изменилась?

Он положил на стол сложенный вчетверо лист с чёрной советской лентой.

— Именно это мы сейчас выясним.

Мира сняла перчатки, расправила документ и первым делом посмотрела не текст, а оборот: время регистрации, печати, подписи. Я подалась вперёд. Торен не мешал.

Приказ Совета Девяти Крепостей был кратким. Меня предписывалось до рассвета передать в дворцовую судебную палату как иностранную подозреваемую в убийстве представителя Короны. Суду разрешалось применить чрезвычайный порядок, а после подтверждения «очевидного кровавого следа» — немедленное исполнение приговора. Под одной из пяти подписей стояло имя Хальвара Дорна, хранителя снабжения Совета; остальные фамилии я пока знала только по протоколам переговоров.

Я перечитала последнюю строку.

— Удобно.

— Это не юридический термин, — заметила Мира.

— Поэтому я и не прошу вас его записывать.

Торен стоял у стола, опираясь ладонями о край. Следы белых сосудов на его правой кисти после вчерашней печати стали заметнее. Я не знала, сколько ему стоило остановить кровь на моей руке, и не собиралась делать выводы без данных. Но данные уже говорили, что его магия не была бесплатной.

— Что в приказе неверно? — спросила я.

— Вы решили, что неверно?

— Вы принесли его сюда вместо того, чтобы передать меня страже. Значит, либо вам нравится спорить до завтрака, либо приказ нельзя исполнить так, как он написан.

Мира коротко взглянула на Торена. Он не ответил ей взглядом, только подвинул документ ближе ко мне.

— Время.

Я нашла отметку регистрации.

Приказ был внесён в советскую книгу за двадцать три минуты до того, как дворцовый регистратор опечатал кровь, инструмент и остаток церемониальной смеси. То есть Совет уже сослался на «очевидный кровавый след» как на установленное доказательство, когда само доказательство ещё не существовало в официальной цепочке.

— В приказ уже внесли то, что архив ещё не успел установить, — сказала я.

— Это одно нарушение, — отозвалась Мира. — Есть второе.

Я снова прошла глазами строки. Печать Совета, пять подписей, ссылка на чрезвычайную статью. Формально всё выглядело внушительно. Потом я нашла пропущенное поле внизу.

— Нет архивного удостоверения о смерти члена правящей семьи.

Мира кивнула.

— Без него чрезвычайный суд может принять человека под охрану, но не закрыть доказательную процедуру. Сначала смерть, вещественные следы и присутствующие должны быть внесены в независимый реестр.

— И пока это не сделано? — спросила я.

Торен ответил:

— После смерти члена правящей семьи магистр вправе открыть Холодное расследование на трое суток. В этом режиме дело остаётся в следственной юрисдикции, а не передаётся на исполнение приговора.

— Вправе или обязан?

— Вправе.

Вот это уже было важнее.

Он мог исполнить политически удобный приказ, ссылаясь на срочность, а мог использовать собственное полномочие и принять на себя ответственность за задержку.

— Вы его открываете?

Торен выпрямился.

— Открываю.

Мира не дала словам раствориться в воздухе. Пододвинула ему чистый лист, назвала дату и время. Он произнёс формулу полностью, указал основание — смерть принца, неустановленный состав церемониальной крови, аномальный след на теле иностранной свидетельницы — и поставил подпись. Потом снял с правой руки тяжёлую печатку с тёмным камнем и прижал к воску.

Я смотрела на оттиск.

Первое настоящее изменение моего положения за эту ночь произошло не тогда, когда Торен произнёс решение, выгодное мне. Я не знала, считал ли он это помощью вообще. Оно произошло, когда появилась запись, которую другой человек мог предъявить без него.

— Теперь мой статус, — сказала я.

— Вы остаетесь под следственной охраной.

— Это не весь статус.

Торен медленно выдохнул через нос.

— Советница Орсен, сейчас вы единственный человек, на коже которого находится неизвестная кровавая конструкция погибшего принца. Вы также последняя, кого он коснулся перед смертью. Я не выпущу вас из архива.

— Я не просила выпустить.

В комнате стало тише. Молодой писарь поднял перо.

Я отодвинула пустую кружку и освободила перед собой место на столе.

— Мне нужен полный перечень обвинений или подозрений, которые уже внесены в дело. Не общая формула про убийство. Отдельными пунктами.

— Пока их три, — сказал Торен. — Возможное участие в подмене церемониального состава. Возможное использование неизвестной кровавой конструкции. Возможная связь с действиями принца перед смертью.

— Второй пункт сформулирован так, будто я использую конструкцию добровольно. Измените на «наличие неизвестной конструкции на теле».

— Это сузит следственную формулировку.

— До того, что вы действительно знаете.

Мира перевела перо писаря на новую строку.

— Обоснованное возражение. Записываю.

Торен посмотрел на неё.

— Вы уже записываете.

— Для этого вы меня и позвали.

Я решила, что Мира мне понравится, если мы обе переживём следующие трое суток. Но симпатия не являлась условием договора, поэтому я вернулась к делу.

— Отдельная комната остаётся за мной. Без совместного содержания и без доступа людей, не внесённых в журнал охраны.

— Согласен.

— Цепи только при подтверждённой попытке бегства, нападении или медицинской необходимости удерживать руку во время опасной активации.

— Последнее сформулировано слишком широко, — сказала Мира.

Я посмотрела на неё.

— Согласна. Уберите.

Торен чуть сдвинул брови.

— Если кровь начнёт повреждать сосуды, мне может потребоваться ограничить движение вашей руки.

— Тогда основание фиксируется отдельно в момент необходимости. Я не подпишу заранее разрешение связать меня, потому что когда-нибудь вам может показаться, что так безопаснее.

Он выдержал паузу.

— Цепи только при попытке бегства или нападении. Физическое удержание при медицинской угрозе — по отдельной записи с присутствием архивного свидетеля, если время позволяет.

— Если время не позволяет, запись после действия с объяснением причины.

— Да.

Мира зафиксировала.

Дальше было сложнее.

Я потребовала, чтобы любое магическое воздействие на кровь сопровождалось объяснением цели и ожидаемого эффекта. Торен отказался обещать полное техническое описание там, где разглашение могло открыть способ обойти печать. Я отказалась разрешать воздействие, смысл которого мне не сообщают. Мы дошли до формулировки: он обязан назвать цель, риск, предполагаемую цену для моего тела и альтернативу, если она есть. Технические детали допускается не раскрывать только с отдельной записью основания.

Это было хуже полной прозрачности и лучше слова магистра.

Потом — доступ к доказательствам.

— К публичным материалам дела, — сказал Торен.

— И к тем, на которых основано действие в отношении меня.

— Не ко всему следственному архиву.

— Я этого не требую. Если вы меняете мой статус, маршрут, ограничения или применяете магию на основании документа, я должна видеть документ либо получить зарегистрированную выписку.

Мира подняла голову от записи.

— Это исполнимо.

Торен не сразу ответил. Я заметила, как его пальцы легли на край советского приказа, ровно поверх печати. Он мог оставить себе привычный коридор решений: сообщать мне только итог и ссылаться на необходимость. Именно этого я не хотела.

— Исполнимо, — повторил он наконец. — За исключением сведений, раскрытие которых создаёт непосредственную угрозу охране или свидетелю. Основание исключения заносится в протокол.

— Принимаю.

Последним я потребовала право собственноручно записывать возражения и получать копию каждого протокола, который касается моего статуса.

— Копии нельзя выносить из охраняемой зоны, — сказал Торен.

— Я пока тоже не могу.

Мира кашлянула в кулак. Не уверена, что это был смех. По крайней мере, она не стала объяснять.

Торен подписал условия. Я прочитала документ от первой строки до последней, исправила слово «предоставляется» на «сохраняется» в пункте о моих дипломатических правах и только после этого поставила подпись.

— Разница принципиальна? — спросил Торен.

— Предоставленное право можно представить вашей милостью. Сохраняемое существовало до вас.

Он взял лист.

— Именно поэтому я спросил.

Мира разделила экземпляры: один в архив, один мне, один в следственное дело. Мой положили в прозрачную промасленную папку и оставили на столе. Не свобода. Но уже не пустая комната и чужая память о договорённости.

После этого она принесла запечатанный пакет из дворца.

Я сразу узнала ленту ночного регистратора. На ней стояли номера, время и четыре подписи передачи. Мира сверила каждую, прежде чем вскрыть наружный транспортный конверт. Внутренние пломбы чаши, серебряного инструмента и салфетки с церемониального стола остались целыми.

— Цепочка не прерывалась, — сказала она писарю. — Отдельно отметить состояние пломб.

Только потом занялись моей рукой.

Мира проверила пульс на левой кисти, цвет кожи, температуру пальцев и попросила меня несколько раз сжать и разжать правую ладонь. Сила сохранялась, но после третьего движения в предплечье появилась тупая тяжесть. Я сообщила об этом. Она записала без попытки назвать причину, затем коротко уточнила головокружение, тошноту и еду. Головокружение появлялось только при резком подъёме, тошноты не было, а из завтрака я осилила половину хлеба.

— Доешьте вторую, — сказала Мира.

Это было первое распоряжение за ночь, против которого я не нашла разумного возражения.

Через четверть часа мы вышли в коридор архива. Формально меня сопровождали двое стражников, Торен и Мира. Фактически двери открывались только по его печатке, а путь отмечали красные полосы воска на каменных косяках. Здесь власть была встроена в стены гораздо честнее, чем во дворце: к каждой двери прилагался человек, имевший право её открыть, и журнал, где оставался след.

У главного порога Торен остановился.

В сером камне пола был вмонтирован тёмный прямоугольник с тонкой сетью старых насечек.

— Пороговый камень, — сказала Мира. — Через него регистрируют вынос кровавых материалов из архива. Если неизвестная конструкция относится к маршруту или месту, он может дать отклик.

Я посмотрела на Торена.

— Что вы собираетесь сделать?

— Снять временную остановку на несколько секунд.

Я посмотрела на белёсый ободок у запястья. Утром я уже добилась права не угадывать смысл чужой магии, и проверять это право удобнее было до того, как станет больно.

— Цель?

— Проверить, реагирует ли запись на зарегистрированный порог.

Мира положила ладонь на открытый журнал, показывая, что процедура уже идёт под запись. Только после этого я задала следующий вопрос.

— Риск?

— Кровь снова начнёт движение. Если оно ускорится, я остановлю её повторно. Возможны боль, слабость, усиление кровопотери через мелкие сосуды.

— Альтернатива?

Торен кивнул на неподвижную линию.

— Оставить печать и не узнать, является ли знак дорогой.

Вот ради таких четырёх вопросов стоило спорить час.

Я положила правую руку на каменную подставку рядом с порогом.

— Снимайте.

Торен коснулся печаткой белёсого ободка у моего запястья.

Холод ушёл не сразу. Сначала я почувствовала тепло собственной кожи, потом — неприятное покалывание, будто в ладонь вернулась кровь после долгого онемения. Тёмные линии на кисти стали ярче.

Мира наклонилась ровно настолько, чтобы видеть, но не заслонять писарю.

Первая линия дрогнула.

Я ждала боли. Вместо неё пришло странное тянущее ощущение к внутренней стороне запястья. Красный знак вытянулся, дошёл до края ладони и остановился.

Пороговый камень под моей рукой ответил.

Не вспышкой. В одной из старых насечек проступила тонкая красная полоска, потом в другой, дальше к северному краю прямоугольника. Линия пересекла три знакомых дорожных отметки и ушла туда, где на камне не было никакого обозначенного пункта.

Торен опустился на одно колено возле порога.

— Здесь нет архивного узла.

— Может быть старый? — спросила я.

Мира уже листала маленький реестр, прикреплённый к стене цепочкой.

— Последние сорок лет — нет.

Красная полоска на камне продолжала тянуться на север.

Я посмотрела на свою ладонь. Линия там легла тем же углом.

— Тогда это не путь к месту убийства.

Торен поднял голову.

— Нет.

— И не к официальному объекту архива.

— Нет.

В коридоре стало слышно, как за следующей дверью кто-то перекладывает книги. Обычная утренняя работа продолжалась в нескольких шагах от нас, пока кровь погибшего принца показывала дорогу к месту, которого, по документам, не существовало.

Я убрала руку с камня.

— Значит, прежде чем Совет решит, что меня удобно казнить, нам придётся выяснить, куда именно он не должен был вести.

Торен снова наложил временный холод. На этот раз я знала, зачем он это делает, сколько примерно у нас есть времени и где будет лежать запись о процедуре.

Для пленницы этого было немного, но для расследования уже достаточно, чтобы начать.

Глава 3

Пороговый камень не умел лгать, но, как выяснилось к восьми утра, прекрасно умел быть бесполезным.

Красная линия уходила на северо-восток от Вардена и пересекала старую дорожную сетку в месте, где архивный план показывал только лес, две закрытые заставы и военный тракт к пограничным крепостям. Если следовать направлению буквально, нам предстояло выбрать одну из трёх дорог уже за городскими воротами. Ошибка стоила бы не только времени. Каждый раз, когда Торен снимал временную печать, кровь на моей руке становилась ярче, а слабость после этого держалась дольше.

Мы вернулись в архивный зал, где на длинном столе разложили карты за последние тридцать лет. Мира принесла дорожные реестры. Торен — военную схему, которую мне разрешили видеть только в части, касавшейся ближайших трактов. Моё подписанное соглашение о доступе лежало рядом, и я уже дважды успела им воспользоваться.

Полезный документ отличается от красивого тем, что его приходится доставать из папки.

— Кратчайший путь здесь, — сказал Торен.

Он провёл пальцем по северной дороге, уходившей через Старый вал к военному посту Рон.

— Если направление сохранится, за половину дня мы поймём, ведёт ли след дальше к Белому Уступу или к восточным крепостям.

— Если направление связано с расстоянием.

— У вас есть другая версия?

— Пока только возражение.

Я снова посмотрела на копию рисунка с порогового камня. Мира успела снять его на тонкую кальку, пока кровь была активна. Три пересечения. Две короткие ветви. Один угол, слишком резкий для обычной дороги.

Сначала мне показалось, что я уже видела такую последовательность на старых таможенных схемах. Мысль была приятной, а потому особенно подозрительной. Слишком удобно — посмотреть на несколько линий и сразу доказать собственную полезность.

Я взяла карандаш.

— Мира, у вас есть действующие тарифные таблицы по северо-восточному сектору?

— За какой год?

— Начнём с текущего.

Она принесла книгу. Я нашла коды трёх ближайших узлов и быстро поняла, что моя версия не сходится. Порядок чисел был другой.

Торен ничего не сказал.

Это раздражало меньше, чем если бы он вежливо ждал моего озарения.

— Не подходит, — сказала я сама.

— Значит, военный тракт.

— Значит, текущая тарифная сетка не подходит.

Он положил ладонь на карту.

— У нас трое суток. Совет уже попытался сократить их до одной ночи. Я не собираюсь тратить день на перебор всех систем счёта, которыми когда-либо пользовалась таможня.

— И я не собираюсь ехать по кратчайшей линии только потому, что она красиво выглядит на вашей карте.

Мира подняла голову от книги, но не вмешалась.

Я сопоставила красные разрывы на кальке с кодами действующих постов. Не совпадали цифры, зато совпадало количество знаков: три, два, один. Это могло означать категории груза.

Или порядок сборов. Или старую систему, которую отменили после последнего пограничного соглашения.

— Когда Север менял нумерацию совместных таможенных узлов? — спросила я.

— Четыре года назад, — ответила Мира. — После закрытия двух трактов.

— А до этого?

Торен посмотрел на меня внимательнее.

— Зачем принцу использовать отменённую систему?

— Потому что отменённые номера остаются в старых контрактах. Их знают торговые канцелярии обеих сторон, но военные схемы на них больше не завязаны. Если Эйрик хотел оставить маршрут, который не будет очевиден человеку с доступом только к текущим крепостным реестрам, это дешевле, чем изобретать шифр.

Я остановилась.

Последнее было уже предположением о его цели.

— Если, — поправила я, — он сознательно использовал знакомую обеим торговым сторонам систему.

Мира принесла толстую книгу с потёртым корешком. На обложке стоял год, когда я ещё не работала в канцелярии, но такие таблицы я знала: старые тарифы постоянно всплывали в спорах о долгах.

Я нашла северо-восточный сектор.

Код Рона не совпал.

Код Белого Уступа — тоже.

Торен уже собирался что-то сказать, когда я увидела примечание внизу страницы.

— Стойте.

Старый узел Белого Уступа имел двойной номер. После зимнего обвала основной таможенный двор перенесли на верхнюю дорогу, но подвальный склад ещё год числился отдельной совместной точкой. Его код состоял как раз из трёх частей.

Я положила кальку рядом.

Первая группа линий совпала по количеству. Вторая — по направлению старого ответвления. Третья давала не номер, а категорию: совместный груз под двусторонним свидетельством.

— Это ещё не доказательство, — сказал Торен.

— Нет.

Я не стала защищать красивую версию. Вместо этого нашла соседний старый узел и проверила на нём ту же логику. Не совпало. Потом ещё один — снова нет.

Белый Уступ оставался единственным местом в секторе, где старый код и геометрия порога накладывались друг на друга.

— Теперь ближе к доказательству, — сказала Мира.

Торен подвинул военную карту к себе.

— К Белому Уступу две дороги. Верхняя через Старый вал быстрее на шесть часов. Нижняя идёт по старому таможенному тракту.

Я сверила расстояния с архивными нормативами снабжения для обоих путей. Верхняя дорога требовала смены лошадей на военном посту и отдельного разрешения на провоз архивных материалов. Нижняя тратила больше корма, зато позволяла пройти одним составом до самой крепости. При наших двенадцати лошадях разница составляла почти мешок овса — неприятно, но не критично. Шесть часов на карте превращались в гораздо меньший выигрыш после двух обязательных остановок.

Я не любила решения, которые называли быстрыми, не посчитав очередь у двери.

— След возник на таможенном пороге и читается через таможенный код. Я бы шла по нижней.

— Нижняя хуже охраняется.

— Верхняя может вывести нас к правильной крепости и неправильному входу. Если новый сегмент появляется только на совместном узле, мы потеряем время уже там.

Он посмотрел на красные линии на моей кисти.

— Вы предполагаете.

— Да. А вы предполагаете, что географическое направление важнее юридической привязки. У нас две версии. Какая проверяется дешевле?

Вот это заставило его отвести взгляд к расстояниям.

Верхний путь был короче, но проходил через два военных поста, где потребовались бы проверки и смена сопровождения. Нижний — длиннее по милям, зато шёл через старую торговую дорогу без крупных ворот до самой крепости.

— Разница не шесть часов, — сказала я. — С учётом ваших же процедур на постах — два, максимум три.

— Если дорога проходима.

— Тогда проверим снабжение и отчёт последнего каравана.

Он помолчал, затем кивнул Мире.

— Поднимите дорожную книгу.

Это не было признанием моей правоты. Именно поэтому я сочла решение полезным.

Последний караван прошёл нижним трактом вчера днём. Две телеги, соль и сукно, без отметок об обвале. На этом спор о дороге не закончился, но у него появились факты вместо положения плеч.

Я достала свой экземпляр условий.

— Нужна поправка.

Торен посмотрел на документ так, словно начал подозревать, что бумага размножается от моего присутствия.

— Какая ещё?

— Если мы выезжаем из архива, право видеть доказательства недостаточно. Маршрут сам становится частью доказательства. Я участвую в анализе документов, могу оспорить путь, а если вы меняете его вопреки моему заключению, причина заносится в протокол.

— На дороге у меня не будет времени устраивать заседание при каждой развилке.

Я развернула к нему дорожную схему. Спор был не о том, кто командует отрядом, а о том, сможет ли командование превратить мою экспертизу в необязательный совет сразу за воротами архива.

— Не устраивайте. Запишите решение одной строкой.

— При непосредственной угрозе я меняю маршрут без согласования.

Это условие было разумным. Если в нас полетят стрелы, требовать сначала протокол означало бы превратить право выбора в способ погибнуть аккуратно оформленной.

— С объяснением основания после того, как угроза перестаёт быть непосредственной.

— Если раскрытие основания не создаёт новую угрозу.

— Тогда фиксируется сам факт ограничения.

Мира уже достала чистый лист.

Торен посмотрел на неё.

— Вы могли бы хотя бы иногда делать вид, что у меня есть выбор.

— У вас есть, — спокойно ответила она. — Не подписывать.

Я отвернулась к карте, чтобы не улыбнуться слишком заметно.

Поправку оформили за десять минут. Торен сохранил право отменить моё решение при непосредственной угрозе. Я получила право участвовать в анализе и требовать записи причины изменения маршрута. В теории он всё ещё мог вести меня куда считал нужным. На практике каждый такой выбор теперь оставлял след.

Когда мы закончили, дверь открылась и вошёл мужчина в дорожном мундире без плаща. Среднего роста, светловолосый, с широкими плечами человека, который привык носить доспех дольше, чем хотелось бы спине. На ремне у него висел капитанский знак сопровождения.

— Магистр.

— Ярэк Холът, — сказал Торен. — Капитан отряда. Пойдёшь со мной до Белого Уступа. Ярэк перевёл взгляд на меня.

— Советница Орсен.

— Капитан.

Это было наше первое представление, и я отметила его хотя бы потому, что последние сутки убедительно показали: знать, кто кому когда был представлен, полезнее, чем кажется в мирной жизни.

— Сколько людей? — спросил Торен.

— Шесть стражников, двое сменных конных. Я бы взял больше, но Совет уже перекрыл выдачу из дворцового резерва.

— Снабжение?

— На трое суток без пополнения. Тёплая одежда для советницы есть. Лошади под нижний тракт — тоже.

Я посмотрела на него.

— Почему именно под нижний?

— Магистр прислал два варианта час назад. Я готовил оба.

Торен не объяснил, почему заранее допустил маршрут, который ещё недавно называл неоправданной тратой времени. Я тоже не стала додумывать. Важнее было другое.

— Покажите ведомость припасов.

Ярек моргнул.

— Сейчас?

— Если мы потеряем часть груза, я хочу знать, что именно станет проблемой первым.

Он достал сложенный лист. В списке были сухари, солонина, крупа, чай, соль, перевязочный материал, два запасных одеяла и четыре фляги с горячей смесью для дороги. На мою долю отдельно записали меховые чулки и второй плащ.

Я провела пальцем по строкам.

— Корм рассчитан на сколько лошадей?

— На десять.

— У нас будет двенадцать.

Ярек посмотрел на цифру, потом на Торена.

— Двое сменных идут только до городской заставы. Там вернутся.

— Тогда сходится.

Он усмехнулся едва заметно.

— Рад, что прошёл проверку.

— Это была проверка ведомости. Вы пока просто стояли рядом.

На этот раз улыбка стала явной. Торен отвёл взгляд к окну.

Собирались быстро. Дорожную одежду мне принесли из вещей миссии, но сумку открывали при Мире, а каждый предмет внесли в список. Мой договорный портфель разрешили взять целиком после проверки содержимого. Оружие мне не предлагали, и я не просила. Кинжал в руках человека, который не умеет им пользоваться, — удобный способ подарить оружие тому, кто умеет.

Перед выходом Торен снова снял временную печать у порогового камня.

На этот раз кровь отозвалась быстрее.

Красная линия прошла по ладони, собралась у запястья и выдала новый сегмент — короткий, резкий, с тремя ответвлениями. Я приложила рядом кальку старого тарифа.

Белый Уступ.

Сомнений стало меньше.

Потом у основания большого пальца проступили четыре маленькие точки. Они появлялись одна за другой, с равным промежутком, и первая погасла прежде, чем возникла четвёртая.

— Время, — сказала Мира.

— Или счёт узлов, — возразил Торен.

Я смотрела, как погасла вторая точка.

В старых торговых реестрах так отмечали не часы, а смену караванной стражи: четыре деления от текущей отметки до следующей обязательной регистрации.

— Следующая активация к вечерней смене, — сказала я. — Если система использует тот же принцип.

— Опять если.

— Да. Но это «если» мы можем проверить сегодня.

Торен вернул холод на запястье. Красные линии замерли.

Во дворе уже ждали лошади. Над воротами архива висела советская печать с новым распоряжением, которое стража ещё не успела снять. Я не могла прочесть текст издаека, но видела чёрную ленту Совета.

Торен заметил её тоже.

— Верхний тракт безопаснее, — сказал он. — Последний шанс изменить решение до выезда.

Я посмотрела на две дороги, отмеченные на карте в моей папке. Короткая вела через военные посты. Длинная — через старые таможенные камни к Белому Уступу. На руке под холодной печатью лежал код именно той системы, которой официально больше не пользовались.

Каждый новый узел мог усилить кровь. Каждый лишний час давал Совету время закрыть следующий вход.

Выбор оставался плохим с обеих сторон, что обычно означало: это действительно выбор, а не церемония согласия.

— Нижний тракт, — сказала я. — И занесите в дорожный протокол: решение принято по моей рекомендации на основании старой таможенной нумерации и подтверждения прохода последнего каравана.

Мира уже открывала книгу.

Торен кивнул Яреку.

— Нижний тракт.

Ворота архива начали расходиться.

Впервые с момента смерти Эйрика направление дороги определили не охрана, не Совет и не кровь — я выбрала его сама.

Глава 4

За городом Север перестал быть системой печатей и стал системой расстояний.

В Вардене холод контролировали стенами, дверями и тем, кому выдавали дрова. На тракте он принадлежал уже никому. Ветер проходил между слоями одежды, забирался под перчатки и довольно быстро объяснял, почему Ярек проверял крепления плащей лично, а в ведомости припасов отдельной строкой стояли сухие носки.

Я ехала на невысокой гнедой кобыле, которую мне выбрали за спокойный шаг. Это было разумно и унизительно только в той мере, в какой я сама позволяла себе считать отсутствие кавалерийских навыков недостатком характера. Через два часа я перестала считать вообще. Колени болели, пальцы мёрзли, а каждое неожиданное движение лошади заставляло вспоминать, что дипломатические школы слишком мало внимания уделяют правильному падению в снег.

Дорога шла через редкий лес. Старые таможенные камни попадались всё реже, но каждый мы проверяли без остановки: Мира сверяла номер, я смотрела на неподвижную кровь, Торен отмечал время. Пока карта молчала.

Это устраивало меня больше, чем должно было.

К полудню мы сделали короткую остановку у заброшенного сборного двора. Крыша над навесом держалась, колодец оказался не промёрзшим, и Ярек разрешил десять минут на горячую воду. Стражники работали почти без разговоров: один разводил огонь, двое проверяли подпруги, ещё один раскладывал овёс. Торен обошёл двор по периметру и вернулся с той стороны, где к лесу уходила узкая колея.

— Недавние сани, — сказал он Яреку.

Капитан присел у следа.

— Вчерашние или ночные. Груз тяжёлый.

Я подошла ближе, но не стала изображать следопыта. В колее я видела только продавленный снег и грязь.

— К Белому Уступу?

— Колея выходит на наш тракт через две мили, — ответил Ярек. — Может быть гарнизонное снабжение.

— В нашей дорожной книге вчера прошли две телеги с солью и сукном.

Торен посмотрел на след.

— Это сани.

— Значит, ещё один груз не внесён в ту книгу, которую видел архив.

Факт был полезен, но пока не вёл никуда. Я записала время и место в свою дорожную тетрадь. Мира сделала то же в архивной.

Мы выехали через одиннадцать минут.

После этого несколько часов не произошло ничего, что заслуживало бы отдельной строки в отчёте: холод усилился, лес стал гуще, дорога дважды уходила под низкие каменные гребни, кобыле не понравился скрип саней впереди, а мне — мысль, что даже после мирного договора торговля по этому пути будет зависеть от трёх мостов и двух складов кормов. Один обвал превращал весь северо-восточный поток в удобный объект для человека, который хотел сделать дефицит политическим аргументом.

К вечеру мы догнали старую колею.

И почти сразу потеряли первый мешок крупы.

Стрела вошла в заднюю дугу вьючного седла. Лошадь рванула, ремень лопнул, мешок ударился о дорогу и разошёлся по шву. Я успела увидеть белое облако крупы на снегу, прежде чем Ярек крикнул:

— В лес!

Торен оказался слева от меня. Он схватил повод моей кобылы ближе к удилам и резко увёл её за каменный выступ. Я не спорила: в обстреле он ориентировался лучше меня.

Вторая ударила в дерево над головой.

— Ниже, — сказал он.

Я пригнулась к шее лошади. Сердце билось так сильно, что в первые секунды я слышала его лучше, чем происходящее вокруг. Потом вернулись остальные звуки: крики, хруст снега, короткий металлический звон.

Из леса вышли люди в тёмно-зелёных плащах южной миссии.

Именно вышли, а не бросились в атаку. Один поднял пустую руку.

— Советница Орсен! Лиора прислала нас за вами. Не бойтесь, мы выведем вас отсюда.

Я подняла голову.

На плащах были южные застёжки. На левом плече у переднего — наш дорожный знак посольской охраны, вышитый верно. Даже сапоги южного покроя.

Торен отпустил мой повод, но остался между мной и дорогой.

— Назовитесь, — сказал он.

— Это не ваше дело, магистр. Советница находится под незаконной северной стражей.

Хорошая формулировка. Почти та, которую мог бы использовать наш канцлер.

Почти.

Я посмотрела не на лицо говорившего, а на лошадей за ним.

Четыре верховых и две вьючные. На седельных дугах — железные скобы с раздвоенным концом. Северные складские. В Лиоре использовали плоскую скобу и двойной ремень: наши обозы ходили по мягким дорогам и иначе крепили груз.

Может быть, лошадей купили здесь.

Не доказательство.

На одной вьючной лошади висел свернутый тёмный тюк. Из-под брезента выступал край деревянной рамы с кожаными петлями. Слишком лёгкой для груза и слишком широкой для носилок раненого.

Я вспомнила перечень имущества при перевозке задержанных, который читала утром в архиве.

— Какой у вас код миссии? — спросила я.

Мужчина в зелёном плаще повернулся ко мне.

— Советница, сейчас не время.

— Именно сейчас.

Торен ничего не добавил. Это было разумно: чем дольше говорил незнакомец, тем больше он оставлял проверяемого материала.

— Код меняется ежедневно, — сказал тот. — Нам передали приказ только на ваше имя.

— Кто подписал?

— Канцлер Авель.

Северан мог подписать. Но если бы он действительно посылал спасательную группу за главой дипломатической миссии, они должны были назвать не просто его фамилию. У нас существовала процедура на случай ареста за границей: курьер сообщал номер последнего подтверждённого протокола и контрольное слово, которое знали только миссия и канцелярия.

Я не стала объяснять это людям напротив.

— Назовите номер моего последнего протокола из Вардена.

Пауза оказалась короткой, но достаточной.

— Нам не передавали ваши бумаги.

— Тогда вы не моя группа эвакуации.

Он перестал улыбаться.

Слева треснула ветка.

Торен резко поднял руку, и воздух вдоль дороги побелел. Не стеной льда — скорее тонкой дымкой, от которой ближайший нападавший отшатнулся. Ярек крикнул своим людям расходиться по камням.

— Советница, к нам! — снова позвал человек в зелёном. — Сейчас!

Я посмотрела на деревянную раму на выючной лошади. Кожаные петли были расположены по четырём углам. Не носилки. Фиксатор для перевозки человека, который не должен встать сам.

— Нет.

Это слово я сказала громче, чем требовалось.

— Вы не знаете, кто они, — бросил Торен, не оборачиваясь.

— Знаю достаточно, чтобы к ним не ехать.

Один из «южан» дёрнул повод и ушёл в сторону леса. Второй полез под плащ.

Дальше разговор закончился.

Я не видела боя целиком. Каменный выступ закрывал половину дороги, и Торен дважды заставлял меня пригнуться, когда стрелы проходили слишком близко. Стражники отвечали короткими рывками, Ярек перемещал людей голосом, а Мира лежала за опрокинутым выюком и прижимала к груди архивную сумку так, будто внутри находились дети, а не документы.

Мне хотелось помочь чем-нибудь полезнее, чем послушно не высовываться.

Потом я заметила лошадь без всадника.

Она металась у края дороги, волоча за собой оборванный повод. На седле висела сумка с той же северной скобой, а сверху — красная метка транспортного склада.

И ещё я увидела, что двое нападавших не отступают на юг. Они пытаются выйти к узкой колее впереди, той самой, по которой ночью шли тяжёлые сани.

— Ярек! — крикнула я.

Он оглянулся.

— Они уходят не к южной дороге. Впереди колея!

Капитан посмотрел туда, затем свистнул двум стражникам и изменил направление.

Торен обернулся ко мне на секунду.

— Оставайтесь здесь.

— С удовольствием.

Это не была храбрость. Это была честная оценка навыков.

Через несколько минут всё закончилось так же внезапно, как началось. Трое нападавших ушли в лес, двое лежали на снегу, ещё одного Ярек привёл со связанными руками. У нашего отряда один стражник получил стрелу в плечо, лошадь была ранена, два мешка припасов разорваны, одна фляга разбита.

Торен подошёл ко мне.

— Ранены?

Я проверила руки и ноги скорее по привычке, чем потому, что не чувствовала боли.

— Нет.

— Уверены?

— Пока да.

Он кивнул и ушёл к раненому стражнику. Никакой лишней заботы, которую можно было бы принять за что-то иное. Мне это сейчас подходило.

Мира уже собирала стрелы в отдельный мешок.

— Советница, вы видели, кто первым предложил вам уйти?

— Мужчина с белым шрамом у подбородка. Назвался только через должность, имя не назвал. Сослался на Северана Авеля, но не знал контрольного номера миссии.

Она записала.

— Что ещё?

— Северные складские скобы на седлах. И рама для фиксации человека на вьючной лошади.

Я пошла к ней, стараясь не смотреть на кровь в снегу дольше необходимого. У деревянной рамы петли действительно были рассчитаны на запястья и лодыжки. Рядом лежал плотный капюшон без прорези для глаз.

Смысл «освобождения» стал ещё менее убедительным.

Ярек привёл пленного к костру. Тот был молод, не старше двадцати пяти, и держал челюсть так, будто решил умереть от принципа раньше, чем от холода.

— Кто нанял? — спросил Ярек.

Пленный молчал.

— Куда должны были доставить советницу?

Молчание.

Торен присел напротив него.

— Ты сейчас не на допросе. Мне нужен один ответ: впереди есть вторая группа?

Мужчина усмехнулся.

— А если есть?

— Тогда твои наниматели рассчитывают, что мы поедем кратчайшим путём после нападения.

Я посмотрела на карту.

Кратчайший путь после этой точки выводил к военному тракту через мост. Именно туда я утром отказалась ехать.

— Не надо менять дорогу на верхнюю, — сказала я.

Торен повернулся.

— Объясните.

Я показала на пленного.

— Они не ожидали, что я выберу их добровольно. Значит, планировали захват. Если первая группа не справилась, следующая должна перекрывать очевидный маршрут отхода. После нападения вы, как командир, должны были бы уйти к ближайшему военному посту. Это верхний тракт.

— Вы предлагаете остаться на дороге, о которой они уже знают.

— Нет. Я предлагаю сделать вид, что вы именно так и поступили.

Ярек подошёл ближе.

— Ложный след?

— Повреждённую вьючную лошадь всё равно надо отправить назад. Дайте ей двух людей и часть пустых мешков. Пусть доедут до развилки верхнего тракта, оставят там заметный след и повернут к городской заставе. Мы уйдём по старой лесной колее на таможенную дорогу. Она соединяется с нижним трактом через несколько миль.

— Если колея проходима, — сказал Торен.

— Ночные сани прошли.

Он посмотрел на Яреку.

— Проверьте.

Капитан отправил двоих. Через десять минут они вернулись: колея была тяжёлая, но для коней проходима.

Торен снова посмотрел на меня.

— Делаем так.

Потом повернулся к Яреку:

— Советницу в середину колонны. Перед ней Мира, за ней двое стражников. На остановках один человек держит видимость на дороге, второй — лес. Причина изменения охраны: попытка целевого захвата.

Мира уже заносила формулировку в дорожный протокол. Я посмотрела на Торена.

— Это из-за непосредственной угрозы?

— Да. И именно поэтому я меняю порядок без отдельного согласования.

Мои утренние условия, оказывается, умели выезжать за городские стены.

Это решение стоило ему меньше, чем вчерашний отказ исполнить приказ Совета, но я всё равно отметила его. Он не согласился со мной из вежливости; он проверил дорогу и изменил план после подтверждения.

Мы потеряли почти час на перевязку, перераспределение груза и ложный след. Половину рассыпанной крупы собрать было невозможно. Разбитая фляга означала, что горячую воду теперь придётся делить. Раненую лошадь отправили назад.

Ярек оформил короткий курьерский сигнал на ближайший маяк: нападение, потери, продолжение движения. Он назвал код вслух, Мира внесла его в журнал, потом капитан запечатал полосу в металлический футляр и передал одному из возвращавшихся стражников.

Обычная процедура. Я посмотрела на неё ровно столько, сколько смотрела на любую передачу сведений после вчерашнего дня, и занесла время в свою тетрадь.

Перед выездом Мира принесла сумку снятого с нападавших имущества.

— Это вам лучше увидеть сейчас.

Внутри лежали южные застёжки, два одинаковых кошелька, запасные тетивы и три упаковки перевязочного полотна. На одной сохранилась складская обёртка.

Я провела пальцем по чёрному номеру партии.

Номер состоял из шести знаков. Первые два обозначали тип товара. Следующие три — получателя. Последний — контрольную отметку отправки.

Я знала этот формат по северным приложениям к договору.

— Кому предназначалась партия? — спросил Торен.

Я сверилась с копией таблицы в дорожной папке.

Ответ нашёлся быстро, но на этот раз мне не пришлось никого разоблачать. Бумага сама делала работу.

— Гарнизону Белого Уступа.

Мира посмотрела на дорогу впереди.

До крепости оставалось меньше половины дня, но после задержки мы уже не успевали к вечерней смене без жёсткого темпа.

На упаковке, снятой с людей, которые называли себя моими спасителями, стоял номер партии Белого Уступа. Теперь крепость была не просто следующим пунктом кровавой карты: у нас появилось обычное хозяйственное основание спросить, кто вынес её снабжение на дорогу.

Глава 5

Белый Уступ появился после заката, когда я уже перестала верить, что название крепости связано с чем-либо, кроме желания северян давать опасным местам безобидные имена.

Крепость стояла на известковой скале; в сумерках стены казались продолжением обрыва. Подъём к воротам шёл по узкой дороге между камнем и пустотой. Ветер бил сбоку, лошади переходили на шаг, а у меня после полутора суток в седле болело всё, что не было занято кровавой картой.

Последняя начала беспокоить ещё за час до крепости.

Под временной печатью то и дело появлялось тепло, словно кровь искала щель в холоде Торена. Он дважды спрашивал, усиливается ли боль. Я отвечала точно: сначала покалывание, потом тяжесть в предплечье, без онемения пальцев. Мира записывала время.

К воротам мы добрались позже вечерней смены почти на три часа.

Это имело значение сразу.

Ночную печать уже наложили, караул сменился, а ответ на имя Торена пришёл не через минуту, как в столице, а после долгого разговора за закрытой створкой. Мы стояли под ветром, пока наверху проверяли распоряжения Совета.

Наконец небольшое окно в воротах открылось.

— Магистр Вард, ваше оперативное полномочие оспорено Советом Девяти. До получения подтверждения вы можете войти как должностное лицо без командования гарнизоном. Иностранная задержанная остаётся снаружи либо передаётся в крепостную камеру.

Я посмотрела на Торена.

Он не повысил голос.

— Откройте ворота. Я не передаю следственное лицо без акта приёма и архивного свидетеля.

Окно закрылось.

Через пять минут нас всё-таки впустили во внешний двор, но дальше караульного корпуса не провели. Лошадей забрали в стойла. Наши оставшиеся припасы пересчитали при двух крепостных служащих. Потеря крупы и фляги теперь существовала не только в нашей памяти, но и в местной ведомости.

Мне нравились места, где даже неприятности получали номер строки.

Комендант пришёл сам.

Он представился Арденом Кростом, начальником Белого Уступа. Невысокий, широкоплечий, с короткой седой бородой, он не предложил ни пройти глубже в корпус, ни согреться; в руке держал копию советского сообщения.

— Вард, Совет сообщает, что вы вышли за пределы процедуры и перемещаете главную подозреваемую без санкции. Я не стану открывать вам военные помещения на основании одной вашей печати.

— Я не просил военные помещения, — сказал Торен. — Нам нужен старый таможенный узел.

Крост посмотрел на меня.

— Он под крепостью.

— Значит, в военной зоне.

— Именно.

Мира достала дорожный протокол.

— Холодное расследование открыто законно, срок действует до завтрашнего вечера.

Комендант даже не взглянул на бумагу.

— Совет имеет право отозвать магистра.

— Приостановить оперативное командование, — сказала Мира. — Не стереть зарегистрированное расследование задним числом.

Крост перевёл на неё раздражённый взгляд.

— Я двадцать лет отвечаю за эту крепость. Если за моими воротами окажется иностранная агентка с кровавой конструкцией, а завтра Совет спросит, почему я пустил её в подвал, вы не будете отвечать за мою подпись.

Вот это было уже содержательно.

Он не просто мешал нам. У него действительно существовал риск: открыть военную зону человеку, которого центральная власть называла убийцей принца. Если всё закончится моей казнью, в архиве останется подпись Кроста под разрешением войти.

Мне не требовалось убеждать его в собственной невинности. Требовалось дать законное основание, которое он сможет предъявить позже.

— Что хранится в старом таможенном подвале? — спросила я.

Крост нахмурился.

— Складские помещения.

— Чьи товары?

— Северные.

— Только северные?

Он посмотрел на Торена, словно ожидал, что тот остановит допрос.

Торен не остановил.

— Советница, — сказал Крост, — вы находитесь под следствием. Я не обязан отчитываться перед вами о запасах крепости.

— О военных запасах — нет. О совместных товарах по предварительному протоколу — обязаны обе стороны.

Я сняла перчатку с левой руки и достала из папки копию договора. Пальцы плохо слушались после холода, поэтому нужную страницу я нашла не сразу. Крост ждал. Я не торопилась ради его удобства.

— Статья двенадцатая, приложение о переходном режиме, — сказала я, когда нашла. — До ратификации либо официального прекращения переговоров товары, внесённые в совместную таможенную книгу, сохраняют режим двустороннего свидетельства. Склад, где они находятся, подлежит осмотру представителями обеих сторон при расхождении реестра.

— Договор не ратифицирован.

— Поэтому статья и называется переходной.

— Совет уже считает переговоры сорванными.

— Считает или оформил прекращение?

Крост промолчал.

Я посмотрела на Миру.

— В архив поступал акт официального прекращения предварительного протокола?

— Нет.

— В мою миссию тоже.

Комендант сжал копию советского сообщения.

— Это словесная игра.

— Нет. Словесная игра была бы, если бы я пыталась доказать, что мир уже заключён. Я утверждаю только то, что переходный режим ещё не прекращён установленным способом.

Он наконец взял договор.

— Даже если так, где расхождение реестра?

Хороший вопрос.

Я достала обёртку с партии, снятую с нападавших.

— Сегодня на старом тракте нас попытались захватить люди в южной форме. У них найдено перевязочное полотно из партии, официально направленной вашему гарнизону. Номер здесь. Если партия действительно поступила в Белый Уступ, часть товара покинула крепость без отражения в доступной нам дорожной книге. Если не поступила, номер получателя использован для чужого груза. В обоих случаях совместный реестр расходится с фактическим движением товара.

Крост посмотрел на номер.

Его лицо почти не изменилось, но рука с советским письмом опустилась.

— Этот груз пришёл три дня назад.

— Весь?

— По ведомости — весь.

— Значит, либо ведомость неверна, либо кто-то вынес часть после приёмки.

— Это ещё не даёт вам права войти в военный подвал.

— Если южный товар хранится там — даёт право требовать совместного осмотра склада.

Если не хранится, покажите место, где он числится, и вопрос к подвалу снимается.

Я не знала, находится ли полотно именно внизу. Это был риск моего аргумента. Крост мог сейчас привести нас в обычный склад, показать остатки партии и закончить разговор.

Он не сделал этого.

Вместо этого слишком быстро ответил:

— Часть медицинского резерва действительно перенесли вниз после ремонта верхнего склада.

Мира перестала писать и посмотрела на него.

Я почувствовала, как на правой руке под холодной печатью снова появилось тепло.

Торен спросил:

— Кто подписал перенос?

Крост повернулся к нему.

— Я.

Вот почему он защищал не только крепость. Под его подписью находился груз, связанный с людьми, напавшими на нас.

Но это ещё не делало его заговорщиком. Подписать перенос мог честный комендант, которому дали обычное хозяйственное основание. Если сейчас обвинить его раньше фактов, мы получим закрытые двери и человека, заинтересованного уничтожить всё двусмысленное.

Я закрыла договор.

— Тогда нам нужен не обыск всей крепости. Только совместная сверка конкретной партии в помещении, которое вы сами указали.

Крост посмотрел на Торена.

— И вы признаете этот нератифицированный договор основанием для доступа иностранки в мою военную зону?

Вопрос предназначался уже не мне.

Торен мог отступить. Совет оспаривал его командование. Если он сослался бы только на магистерскую власть, Крост имел формальный повод отказать. Если признавал моё толкование, он связывал собственное действие с документом, который Север мог объявить политически мёртвым ещё до утра.

— Я признаю действующей переходную статью до зарегистрированного прекращения протокола, — сказал Торен. — И удостоверяю совместный осмотр как следственное действие по зарегистрированному расхождению товара.

Крост медленно повернул голову к Мире.

— Запишите точно.

— Уже.

— И что ответственность за допуск берёт магистр.

Торен достал печатку.

— Нет. Ответственность за следственное удостоверение беру я. Ответственность за открытие помещения остаётся у вас как у коменданта. Если хотите отказать — оформите отказ письменно с причиной.

Крост посмотрел на него так, будто именно за эту формулировку был готов ненавидеть гораздо сильнее, чем за нарушение приказа.

Потом протянул руку.

— Давайте ваш акт.

Мы вошли в подземную часть крепости через четверть часа.

До этого момента я думала, что северные подвалы отличаются от южных только температурой. Белый Уступ исправил это заблуждение. Лестница уходила внутрь скалы, стены становились влажнее, воздух пах солью, известью и чем-то металлическим. Через каждые две площадки стояли двери с двумя замками: крепостным и старым таможенным.

Крост открывал первый. Мира — второй по архивной копии ключа.

Совместный доступ, превращённый в железо.

На нижнем уровне мы нашли медицинский склад. Перевязочное полотно лежало там, где и должно было. Номер партии совпадал.

Ярек пересчитал тюки.

— По ведомости должно быть сорок восемь.

— Здесь сорок пять, — сказал Крост.

Он пересчитал сам.

Потом ещё раз.

Три тюка отсутствовали.

— Кто имел доступ? — спросил Торен.

— Интендант, я, старший лекарь и ночной складской караул.

— Журнал.

Крост резко обернулся к часовому у двери.

Пока за книгой послали, я заметила ещё одну дверь в глубине склада. Она отличалась от остальных: свежая петля на старом камне, новый замок и тонкая белая полоса по краю пола, похожая на высохшую соль.

Моя рука под печатью обожглась.

Я прижала локоть к боку.

Торен сразу увидел движение.

— Усилилось?

— Да. Не снимайте пока.

Я подошла ближе к двери, не касаясь её.

На полу стояли следы от тележек. Узкие колёса, много проходов. Медицинский склад мог объяснить тележки. Но белая полоса у порога была не обычной солью: в ней блестели мелкие прозрачные кристаллы с голубоватым оттенком.

Я видела такие в приложениях к северным закупкам.

Холодные кристаллы для хранения кровавых печатей.

— Сколько таких кристаллов получает ваш лекарский склад в месяц? — спросила я.

Крост посмотрел на пол.

— Немного. Для двух печатей переливания и аварийного хранения образцов.

— В цифрах.

— Пять фунтов, иногда семь зимой.

— А соли?

— Для кухни спрашивайте интенданта.

— Не пищевой. Очищенной архивной.

Тут он уже не ответил сразу.

Мира повернулась к нему.

— Комендант?

— Двадцать фунтов на медицинский резерв.

Я открыла дорожную папку. В приложениях к договору Белый Уступ за последние три месяца получал в среднем по сорок фунтов очищенной соли и по двадцать пять фунтов холодных кристаллов.

Разница могла иметь разумное объяснение. Например, ремонт печатей. Массовые раненые. Новый склад.

Я проверила два самых очевидных объяснения прежде, чем считать цифры уликой. Вспышек болезни в крепости не было; последний бой с массовыми ранеными случился ещё весной. Тогда оставался расход на сами печати.

— Крепостные кровавые печати в этом сезоне ремонтировали?

— Нет.

Я протянула ему копию таблицы.

— Тогда расход не соответствует заявленной медицинской функции. Мне нужно увидеть, куда списывали остаток.

Торен не сказал «вы правы». Он повернулся к новой двери.

— Ключ.

Крост побледнел незначительно, но заметно в свете масляной лампы.

— У меня его нет.

— Вы комендант крепости.

— Эту дверь установила столичная лабораторная служба два месяца назад. Мне прислали приказ не вмешиваться в испытания хранения крови для дальних гарнизонов. Доступ по отдельной печати.

— Чей приказ?

— Управления снабжения Совета.

Хальвар Дорн. Имя я знала с утреннего приказа, но пока оно означало только должность и политическое давление, не доказанное участие в лаборатории.

Торен достал печатку.

— Отойдите.

— Что вы сделаете? — спросила я.

Он посмотрел на меня, и я напредила себе, что собственные условия действуют особенно тогда, когда всем неудобно их соблюдать.

— Проверю, признаёт ли замок моё следственное полномочие. Без вскрытия кровавого контура. Если не признаёт — не буду ломать его холодом до осмотра Мира.

— Риск?

— Для вас — никакого, пока вы не касаетесь двери. Для меня — сосудистый откат, если печать защищена.

— Альтернатива?

— Ждать отдельный ключ из Вардена. Совет получит время закрыть помещение раньше нас.

Я кивнула.

Он приложил печатку к металлической площадке.

Сначала ничего не произошло. Потом по замку прошёл белый иней.

Торен резко убрал руку.

На его пальцах проступила та же сеть белых сосудов, что вчера в дворцовом зале.

Мира выругалась очень тихо.

Замок щёлкнул.

— Он признал полномочие, — сказал Торен.

Голос у него не изменился, но пальцы он сжал медленнее обычного.

Крост открыл дверь.

За ней не было склада.

Первое помещение выглядело почти пустым: столы, стеклянные трубки, медные желоба, два закрытых шкафа. Дальше, за аркой, в пол уходили шесть больших резервуаров. В каждом под прозрачной крышкой лежала тёмно-красная жидкость.

Она не двигалась.

Мира вошла первой как архивный свидетель. Я — следом, только после того как она зафиксировала порог.

— Не касаться ничего, — сказал Торен.

Я и не собиралась.

На ближайшем столе лежала расходная книга.

Не секретный шифр. Обычная хозяйственная книга, что было гораздо хуже для людей, которые надеялись спрятать работу за магией.

Я читала строки по порядку: соль, холодные кристаллы, стекло, животный белок, перевязочный материал, уголь. Количество партии. Дата. Получатель — «медицинский резерв БУ».

На третьей странице расход холодных кристаллов вырос в пять раз.

— Вот ваши двадцать пять фунтов, — сказала я Кросту. — Они уходили сюда.

Он стоял у двери и смотрел на резервуары.

— Я не видел этого помещения после установки замка.

Я не знала, правду ли он говорил. Зато Мира уже записала его слова дословно.

Торен подошёл к одному из резервуаров, не касаясь стекла.

— Живая свидетельская кровь хранит движение записи, если в неё вложена память. Здесь нет отклика.

— Может, запись заморожена? — спросила я.

— Тогда при моём присутствии контур хотя бы сопротивлялся бы. Здесь пусто.

Он говорил не лекцией, а отвечал на конкретную проблему: почему шесть резервуаров крови не ведут себя как кровь Эйрика.

Я посмотрела на расходную книгу.

— Значит, они тратят соль и кристаллы не на хранение живой записи.

Мира подошла к соседнему столу.

— Здесь формы оттисков.

На тонких металлических пластинах были вырезаны линии, похожие на дорожные знаки. Повторяющиеся. Слишком ровные.

Торен снял временную печать с моего запястья только после того, как я согласилась и Мира встала рядом с журналом.

Кровь на коже ожила.

Боль пришла быстрее, чем раньше. Красные линии поползли к предплечью, и я почувствовала, как пальцы становятся холоднее уже не от воздуха.

— Достаточно, — сказала я.

Торен сразу вернул остановку.

Несколько секунд мне пришлось опираться левой рукой о край пустого стола. Я не падала, но это было скорее вопросом достоинства, чем физиологии.

Когда зрение прояснилось, я увидела ближайший резервуар.

На поверхности крови проступил красный рисунок.

Тот же поворот, что на моей кисти.

Те же три ответвления.

Только между ними были одинаковые расстояния, будто их вымерили линейкой. На моей руке одна линия всегда чуть уходила в сторону пульса. Здесь отклонения не было.

Я подошла ближе.

Рисунок повторился во втором резервуаре.

Потом в третьем.

Совершенно одинаково.

Живая кровь Эйрика ошибалась вместе с телом: линии дрожали, ускорялись, меняли толщину. Эта кровь воспроизводила знак так, как печатный станок воспроизводит букву.

— Это не копия моей карты, — сказала я.

Торен посмотрел на резервуары.

— Почему?

— Потому что копия сохранила бы хотя бы часть её неровностей. Это шаблон.

Я указала на металлические формы.

— Кто-то сначала создал правильный вид следа, а потом научился повторять его на крови, которая ничего не помнит.

Мира закрыла расходную книгу в доказательный футляр.

Крост медленно опустился на ближайший стул.

За стенами крепости ветер бил в бойницы. Наверху гарнизон продолжал жить по своим расписаниям: выдавать ужин, менять караул, считать стрелы и корм. Здесь, под тем же бюджетом, кто-то покупал соль, кристаллы и кровь в объёмах, которых не существовало в медицинских отчётах.

В одном из резервуаров красный знак снова проступил на поверхности.

Рисунок был слишком ровным, слишком правильным. И впервые с момента смерти Эйрика у нас появилось доказательство: кровь могла не только хранить свидетельство — её можно было заставить изображать чужое.

Глава 6

Первым загорелся не резервуар с кровью.

Загорелась расходная книга.

Я увидела тонкую синюю линию на её корешке раньше, чем поняла, что это огонь. Только что Мира закрыла книгу в доказательный футляр, а теперь по коже переплёта прошёл свет, слишком ровный для случайной искры. Футляр ещё лежал у неё в руках.

— На пол, — сказал Торен.

Мира не спрашивала почему. Она опустила футляр на камень, отступила и накрыла рот рукавом. Синий огонь уже добрался до металлических уголков, хотя гореть там было почти нечему.

Торен присел рядом и протянул руку, но не коснулся футляра.

— Не открывайте, — сказала я.

— И не собирался.

Белые линии проступили у него на кисти почти сразу. Холод лёг на металл тонким инеем. Синий свет дрогнул и погас.

На секунду.

Потом где-то за аркой хлопнуло так, что стекло в шкафах задребезжало.

Из дальнего помещения донёсся крик.

Не приказ. Не предупреждение. Человеческий крик сразу после того, как дверь не поддалась.

Торен поднялся одним движением.

— Все наружу. Ярек, людей к лестнице. Мира — журнал.

Крост рванулся к арке.

— Там лабораторный сектор!

— Именно поэтому наружу.

Второй хлопок пришёл снизу. Красная жидкость в ближайшем резервуаре вспучилась под крышкой, и по внутренней стороне стекла пробежали пузырьки. Воздух сразу изменился: к соли и металлу добавился резкий кислый запах.

Я закрыла рот воротником и посмотрела на выходы.

Лестница, по которой мы вошли, оставалась свободной. Дальняя арка вела к резервуарам и запертому коридору. Между нами и лестницей стояли два шкафа, три стола и Мира с журналом. Если пожар пойдёт от лаборатории к двери, мы успевали уйти. Если огонь возникнет ещё и в коридоре сверху, не успеем.

— Кто там кричал? — спросила я Кроста.

— Не знаю.

— Кто вообще работает в этом секторе ночью?

Он посмотрел на арку.

— По приказу лабораторной службы должен быть один дежурный помощник.

Торен уже шёл туда.

— Магистр.

Он обернулся.

— Что?

— Вы сказали всем наружу.

— Я не все.

В другой день я бы оценила формулировку. Сейчас над аркой вспыхнула синяя полоса, и спор пришлось отложить.

Мы дошли до первого резервуара одновременно. За ним начинался узкий коридор с двумя дверями. Правая была открыта — внутри полыхали стеллажи с бумагой. Левая оставалась закрытой, а из-за неё снова ударили кулаком.

— Здесь! Откройте!

Торен дёрнул ручку. Замок не поддался.

На косяке горел тот же синий знак, который минуту назад прошёл по расходной книге: три расходящиеся черты и круг в центре. Я не знала этого символа. Зато знала его функцию. Он появился одновременно на нескольких объектах, значит, огонь запускала не упавшая лампа.

Удалённый контур.

— Может перекинуться? — спросила я.

— Уже перекинулся.

— Сколько у вас сил на холод?

Торен посмотрел сначала на дверь, потом через плечо на горящую архивную комнату.

— Достаточно на одно.

Сказано было спокойно, но белые сосуды на его кисти уже дошли до запястья.

Я не стала спрашивать, что значит «достаточно». У нас было два объекта и одна возможность.

За левой дверью находился человек.

За правой — документы.

— Архивная комната? — спросила я Кроста.

— Там журналы поставок, отчёты опытов, журналы образцов. Всё.

— Дубли есть?

— Не знаю.

За дверью снова ударили.

Мира стояла у входа в коридор, прижимая к груди спасённую расходную книгу. Я увидела на её лице коготь и поняла, что вопрос на самом деле проще, чем пытается сделать его моя профессиональная привычка.

Если выбрать архив, мы, возможно, получим имена.

Если выбрать человека, мы получим того, кто сможет объяснить, откуда эти имена взялись.

И если я сейчас начну считать страницы против жизни, никакие договоры больше мне не помогут.

— Дверь, — сказала я Торену. — Спасаем работника. Из архива берём только то, что можно вынести без отдельной магии.

Крост выругался.

— Там доказательства!

— А там источник доказательств. Живой.

Торен не переспросил.

Он приложил печатку к горящему знаку на левой двери.

Иней пошёл по дереву мгновенно. Синий круг вспыхнул ярче, словно сопротивлялся. Торен сжал зубы. Белые линии на его руке поднялись выше манжеты.

Дверь не открылась.

— Хватит, — сказала я.

— Нет.

— Вы уже сказали, что силы на одно. Если вы потратите всё на замок и не сможете остановить кровь у меня, мы получим двух бесполезных свидетелей вместо одного живого.

Он перевёл на меня взгляд.

В этот момент за дверью раздался кашель.

Торен снова надавил печаткой.

— Отойдите.

Я отступила.

Дерево треснуло вдоль косяка. Ярек, уже вернувшийся с двумя стражниками, ударил плечом. Дверь распахнулась внутрь.

На полу лежал молодой мужчина в лабораторном фартуке. Одна нога была прижата упавшим шкафом, волосы опалены с одной стороны. Он пытался отползти от синего огня, который шёл по полкам выше его головы.

— Шкаф! — крикнул Ярек.

Стражники подхватили край. Торен шагнул к ним, но я увидела, как его правая рука дрожит после печати.

— Не вы.

Он посмотрел на меня так, будто я только что попыталась командовать крепостью.

— Вы будете нужны через минуту.

Это было достаточно конкретно. Он остался у двери.

Шкаф подняли. Мужчину вытащили в коридор. Крост схватил его под плечо, Мира помогла довести до арки. Я уже собиралась следом, когда из правой комнаты вылетел лист бумаги и упал у моих сапог.

Край горел.

Я наступила на него, сбила пламя и подняла.

Половина страницы исчезла, но на оставшейся части были столбцы цифр и повторяющееся обозначение партий. В верхнем углу стояла чёрная отметка: 7 внутри разорванного квадрата.

Не номер страницы. Остальные листы на полу были пронумерованы обычным способом.

— Лавиния! — крикнула Мира.

Я сложила обгоревший лист внутрь дорожной папки и вышла из коридора.

За спиной лопнул первый резервуар.

Красная жидкость плеснула по камню. Она не загорелась, зато синий огонь побежал по ней как по дорожке. Торен выставил руку, и по полу легла полоса инея, отделяя пламя от нас.

На этот раз он пошатнулся.

Я успела подхватить его за левое предплечье.

— Всё.

— До лестницы ещё двадцать шагов.

— Их можно пройти без магии.

Он выпрямился и сам убрал мою руку. Не резко. Просто вернул себе равновесие.

— Идём.

Мы вышли последними.

На лестнице уже лежал спасённый помощник. Ярек перевязывал ему ногу, Мира считала людей вслух. Крост стоял у нижней двери, смотрел на дым и повторял количество помещений, которые сейчас горели.

— Архивная комната, резервуарный зал, лабораторная, — сказал он. — Дальше хранилище стекла. Если дойдёт до кристаллов...

— Поднимайтесь, — отрезал Торен.

Крост поднялся.

Мы дошли до первого этажа, когда под ногами прошёл глухой толчок. Потом второй. Из лестничного проёма вырвался горячий воздух.

Дальше никто не спорил о возвращении.

Во внутреннем дворе крепости было почти темно. Людей вывели из нижнего корпуса, но гарнизон уже тащил воду к вентиляционным шахтам. Я села на низкую каменную тумбу

только потому, что правая нога внезапно решила, что поддерживать меня больше не входит в её обязанности.

Торен остановился напротив.

— Рука.

— Сначала ваша.

— Моя не содержит карту.

— Зато ваша содержит сосуды, которые я уже вижу выше манжеты.

Он ничего не ответил.

Мира подошла с медицинской сумкой.

— Оба сядьте и перестаньте определять приоритет по должности.

Я подчинилась первой.

Спасённого помощника звали Нерн Вей. Крост подтвердил, что его имя числится в списке лабораторной службы, хотя сам комендант видел его всего дважды. Нерн был в сознании, но говорить начал не сразу. Мира сначала закрепила ногу, дала ему воду и записала состояние.

Только потом мы перешли к вопросам.

— Кто запустил уничтожение? — спросил Торен.

Нерн посмотрел на дым над шахтой.

— Не знаю имени.

— Тогда что знаете?

Нерн подтянул одеяло выше и посмотрел на обгоревший вход. Когда заговорил снова, он уже перечислял только то, что видел сам.

— Контуры были поставлены при монтаже. Нам сказали, что это защита на случай захвата. Срабатывает по внешней печати.

— Чьей?

— Я печати не видел. Приказы приходили через две канцелярии.

Мира подняла перо.

— Назовите.

Нерн сглотнул.

— Управление снабжения Совета и Южная расчётная палата при торговой канцелярии.

Я почувствовала, как внутри что-то сжалось, но не стала называть это чувством. Южная расчётная палата подчинялась структуре, которую курировал Северан. Это ещё не значило, что он видел каждый приказ. В большой канцелярии подпись начальника и действие нижнего отдела разделяли десятки рук.

— Как приходили распоряжения? — спросила я.

— Кодами партий. Один подтверждает количество, второй — назначение. Если оба совпадали, мы запускали цикл.

— Двойной свидетель, — тихо сказала Мира.

Нерн кивнул.

— Так называли проверку внутри лаборатории. Ни одна сторона не могла провести большую партию без кода другой.

Я записала формулировку дословно.

— Кто проверял состав крови?

— Старший мастер. Его сегодня не было.

— Имя?

Нерн назвал женщину, которую я не знала: Ильда. Фамилии он не знал.

Имя ничего мне не говорило. Поэтому я просто занесла его в тетрадь.

— Где она?

— Уехала вчера утром.

— Куда?

— Не сказала.

Торен спросил:

— Какую партию готовили последней?

Нерн назвал номер.

Мира резко посмотрела на меня.

Номер совпадал с обозначением, которое стояло на запечатанном церемониальном образце из дворца.

Мы не могли проверить полный состав во дворе, но могли сравнить маркировку, дату и формулу подготовки. Мира принесла внешний реестр дворцовой цепочки. Я положила рядом спасённую расходную книгу.

Номер партии совпал.

Дата производства — за двое суток до церемонии.

Расход холодных кристаллов — тот же.

В графе назначения стояло не имя дворца, а код: С-1.

— Что такое С-1? — спросила я.

Нерн закрыл глаза.

— Церемониальная смесь первого класса.

Торен посмотрел на него.

— Для королевской печати?

— Для любого события, где кровь должна выглядеть естественно и удерживать запись до часа.

Это ещё не доказывало, кто заменил чашу в дворце. Но теперь кровь Эйрика была связана с производственной партией из скрытой лаборатории не похожестью линий, а номером, датой и технологическим обозначением.

Мира вынесла из футляра спасённую книгу.

Огонь повредил край, но основная часть страниц сохранилась. На последнем развороте находилась таблица кодов двух канцелярий. Несколько строк выгорели. Одна уцелела полностью.

В ней повторялся тот же знак, что на моём обгоревшем листе: разорванный квадрат и цифра семь.

— Это что? — спросила я Нерна.

— Часть маршрутного ключа.

Торен нахмурился.

— Объясните.

— Каждая лаборатория получает свой фрагмент. Не место. Число. Если собрать четыре, можно открыть общую книгу распределения.

— Где она?

— Не знаю. Нам говорили только, что доступ требует двойного свидетеля и полного ключа.

Мира положила обгоревший лист на доску и прижала края металлическими скобами.

— Оригинал идёт в мой доказательный футляр. Число семь фиксируем в трёх местах.

Я открыла свою рабочую книгу.

Крост принёс открытую книгу крепостных перевозчиков — ту, куда заносили повреждение груза, аварии и особые обстоятельства, влияющие на движение караванов. Она не принадлежала ни следствию, ни Совету; записи в ней читали купцы, страховщики и таможенные служащие.

— Зачем туда? — спросил Крост.

— Потому что если ваш подвал завтра окажется пустым и все закроют рот, останется независимая хозяйственная запись о том, что из Белого Уступа был эвакуирован вещественный фрагмент с числом семь, — сказала я. — Не содержание расследования. Факт передачи.

Он посмотрел на Торена.

Торен ответил:

— Записывайте.

Мира внесла число в архивный протокол. Я — в свою книгу с номером страницы и временем. Крост продиктовал запись перевозчику гарнизона, который поставил собственную подпись и печать.

Три копии.

Один оригинал.

Если теперь кому-то понадобится уничтожить семёрку, придётся уничтожать не бумагу, а память нескольких систем сразу.

Я закрыла тетрадь.

— Что мы потеряли?

Крост посмотрел на дым.

— Большую часть лабораторных журналов. Резервуары. Металлические формы. Возможно, склад образцов.

— Не «возможно». Пока не проверено — записываем как неизвестно.

Мира кивнула.

Я перечислила дальше: старший мастер отсутствует; полный список партий утрачен; происхождение крови не установлено; получатели не названы; связь с дворцом подтверждена по партии, но не по человеку, который заменил смесь.

Торен слушал молча, потом сказал:

— Вы очень стараетесь не позволить нам считать это победой.

— Потому что победа плохо хранит доказательства.

Нерн на носилках тихо засмеялся и сразу закашлялся.

Я повернулась к нему.

— Последний вопрос. Когда пришёл приказ уничтожить лабораторию?

Он перестал кашлять.

— До заката.

— Точное время.

Нерн посмотрел на Кроста.

— Печать активировалась в девятом вечернем делении. Но предупреждение пришло раньше, около восьмого.

Мира быстро перевернула страницу журнала прибытия.

Наш отряд зарегистрировали у ворот после одиннадцатого деления.

Я проверила ещё раз.

Предупреждение об уничтожении пришло примерно за три часа до того, как крепость официально узнала, что мы здесь.

На дороге наш маршрут знало гораздо меньше людей.

Я закрыла рабочую книгу. У нас оставались живой свидетель, номер партии и первая цифра ключа; одновременно появилось новое условие расследования: официальная цепочка больше не была самым быстрым каналом. Кто-то получал сведения о нас раньше, чем они доходили до книг.

Глава 7

Утром Белый Уступ пах мокрым камнем, гарью и чужой ответственностью.

Пожар в подземном секторе потушили к рассвету, но внутрь никого не пускали: две балки просели, один вентиляционный ход обрушился, а остаточная магия продолжала нагревать металлические печати. Крост выставил караул у всех нижних входов и подписал это решение так старательно, будто хорошая подпись могла исправить две предыдущие ночи.

Я не осуждала. Подпись действительно могла помочь больше большинства человеческих сожалений.

Мы собирались уезжать до полудня.

Не успели.

В девятом часу во двор въехал советский курьер с шестью стражниками и трубкой для приказов на груди. Он потребовал Торена, Кроста и старшую архивную свидетельницу. Меня в списке не было.

Я всё равно пришла.

— Советница остаётся снаружи, — сказал курьер.

— Советница является стороной зарегистрированного расследования, — ответила Мира.

— Приказ меняет её статус или доступ?

— Приказ касается магистра.

— Тогда его содержание может изменить её безопасность и маршрут.

Курьер посмотрел на Торена.

Тот открыл дверь комнаты совещаний шире.

— Заходите все.

Это было не приглашение, а способ закончить спор до того, как он превратится в отдельную процедуру.

Комната оказалась маленькой: стол, четыре стула, печь и окно во двор. Курьер остался стоять. Он снял трубку, достал свиток с пятью печатями и зачитал вслух.

Совет Девяти временно приостанавливал оперативные полномочия Торена Варда за нарушение прямого распоряжения о передаче иностранной подозреваемой. Все материалы, полученные после выхода из Вардена, предписывалось оставить на хранение в Белом Уступе. Самому Торену следовало вернуться в столицу для разбирательства. Мне — ожидать суда в крепости.

Крост закрыл глаза на секунду.

Я не стала приписывать этому облегчение. Что он почувствовал, я не знала. Зато теперь у него появился приказ, на который можно было сослаться при попытке забрать у нас документы.

— С какого времени действует приостановление? — спросила Мира.

Курьер назвал час.

Он наступал сорок минут назад.

— Что происходит с уже зарегистрированным Холодным расследованием?

— Материалы передаются ближайшему полномочному хранителю.

— Кому именно?

— Коменданту Белого Уступа.

Крост открыл глаза.

— Я не следователь.

— Вы хранитель крепости.

— И у меня под крепостью только что сгорела тайная лаборатория, о которой я, по собственному показанию, не знал. Назначить меня единственным хранителем доказательств — интересное проявление доверия Совета.

Курьер не ответил.

Я посмотрела на Торена.

Его лицо не изменилось. Правая рука лежала на столе в перчатке, скрывая белые сосудистые следы. Вчерашняя цена магии оставалась с ним, а теперь к ней добавилось официальное лишение власти.

— Доказательства кому принадлежат? — спросила я.

Курьер перевёл взгляд на меня.

— Короне.

— Это не ответ. Архивный журнал, расходная книга, показания Нерна и изъятый фрагмент находятся в каком режиме: военном, судебном, архивном или совместном дипломатическом?

— Совет распорядился оставить все материалы.

— Я слышала. Я спрашиваю, на каком основании один приказ объединяет четыре разных режима хранения.

Курьер раздражённо поправил ремень трубки.

— Советница, ваше участие в расследовании не даёт вам права оспаривать решение Совета.

— Даёт право знать, какой документ вы собираетесь забрать у меня из рук.

Он посмотрел на мою дорожную папку.

Ошибка была небольшой. Но достаточной: его приказ касался материалов следствия, а моя рабочая книга оставалась документом дипломатической миссии. Копия цифры семь уже находилась там. Если Совет хотел стереть её, обычного изъятия архива не хватало.

Я не стала сообщать это вслух.

Торен наконец сказал:

— Приказ принят. Материалы, находящиеся под моей личной следственной печатью, я передам по акту после сверки цепочки. Материалы Миры остаются в архивном режиме до назначения другого магистра.

Курьер нахмурился.

— Совет требует оставить всё.

— Тогда Совет пришлёт отдельный приказ Архиву.

Мира спокойно сложила руки на груди.

— И желательно тому человеку, который уполномочен его исполнить.

Крост тихо выдохнул.

Я увидела другую проблему.

Даже если мы сохраним оригиналы, дальше нас остановят на первом же посту. Совет сможет объявить документы подделкой, а пожар — несчастным случаем. Следствие останется внутри узкой цепочки людей, которых легко заменить или запугать.

Нам нужен был факт, который нельзя вернуть в закрытый ящик.

Во дворе стояли три торговые повозки. Одна пришла ещё ночью с углём и мукой и ждала пропуска на юг. На борту я видела знак Северной лиги перевозчиков — не Совета и не военной службы. Их открытые книги использовались для споров о задержках, страховке и порче груза.

Вчера мы уже внесли туда передачу цифры семь.

Сегодня следовало пойти дальше.

— Крост, — сказала я. — В крепости есть лицензированный независимый перевозчик?

Он посмотрел в окно.

— Один. Холм Рейд. Караванщик из Восточной Лиги.

Курьер резко повернулся ко мне.

— Зачем вам перевозчик?

— Зафиксировать задержку выезда после пожара.

Это было правдой. Не всей, но достаточной.

Торен посмотрел на открытые книги во дворе, потом на меня.

— Вы хотите вынести существование лаборатории в открытую хозяйственную книгу.

Я посмотрела на него.

— Не содержание. Только проверяемый факт: пожар в незарегистрированном лабораторном секторе привёл к задержке караванного движения, вывозу раненого работника и опечатыванию части грузов. Плюс номер нашего акта.

— После такой записи слух уйдёт по тракту быстрее нас.

— Да.

— Мы потеряем возможность тихо проверить сеть.

— Тихо её уже проверяют за нас. Приказ уничтожения пришёл раньше нашей регистрации.

В комнате стало теснее не физически, а по количеству людей, которым приходилось выбирать собственный риск.

Крост сжал советское письмо и первым назвал собственную цену такой записи.

— Если я подтверждаю существование лаборатории, Совет спросит, почему я не сообщил о ней раньше.

— Вы сообщите и причину: объект был закрыт отдельной столичной печатью, доступ предоставлялся по приказу Управления снабжения. Вчера вы вскрыли его при совместном акте. Это хуже молчания только если вы собираетесь и дальше молчать.

Он провёл ладонью по бороде.

— Удобно вам рассуждать. Лицензия у вас не северная.

— Именно поэтому моё имя должно стоять рядом с вашим.

Курьер шагнул к столу.

— Я запрещаю такую запись до разъяснения Совета.

— На каком основании вы управляете книгой частного перевозчика? — спросила я.

— На основании чрезвычайной ситуации.

— Тогда назовите статью.

Он не назвал.

Торен поднял ладонь прежде, чем спор продолжился.

— Хватит. Я не могу приказать Кросту сделать запись после приостановления полномочий. Советница тоже не может. Перевозчик решит сам, достаточно ли у него основания.

Так мы и сделали.

Холм Рейд оказался худым мужчиной с красным носом и пальцами, навсегда почерневшими от колёсной смазки. Он выслушал нас во дворе возле своей телеги и сразу покачал головой.

— Нет.

Простой ответ мне понравился. С ним хотя бы было понятно, где начинается работа.

— Почему?

— Потому что я вожу муку, железо и людей, а не государственные заговоры. Запишу вашу лабораторию — завтра Совет приостановит лицензию до проверки. Через неделю у меня двенадцать возчиков без заработка.

— Справедливо.

После моего ответа он на секунду замолчал и сильнее сжал край листа.

— И?

— И мне нужно дать вам основание, которое защищает вашу лицензию лучше, чем молчание.

Я попросила его книгу. Он не дал.

— Сначала говорите.

Пришлось говорить без бумаги.

— Ваш караван задержан на девять часов из-за пожара в объекте под крепостью. Крепость закрыла внутренний двор, гарнизон забрал часть воды, ворота открывали по ограниченному режиму. Эти события влияют на срок вашей доставки и страхование. Вы вправе записать причину задержки независимо от того, нравится она Совету или нет.

— Причина — пожар.

— Где?

— В крепости.

— Страховщик спросит, почему крепостной пожар задержал гражданский двор, если официально горели только закрытые подземные помещения. Вы либо указываете объект достаточно точно, либо ваша запись становится бесполезной при споре.

Холм посмотрел на Кроста.

— Подтвердите, что пожар был в лабораторном секторе.

Крост не ответил сразу.

Торен стоял рядом без полномочия заставить его. Курьер наблюдал из-под арки. Мира держала архивную папку. Никто не мог спрятаться за моим решением: каждому требовалась собственная подпись.

Крост наконец сказал:

— Подтверждаю. Сектор не был внесён в общий крепостной реестр помещений. Доступ закрывался отдельной столичной печатью.

Холм протянул ладонь.

— Давайте акт.

Мира показала номер, не раскрывая содержание доказательств. Я добавила номер вчерашней записи о фрагменте ключа. Холм переписал их в свою книгу, затем заставил нас всех прочитать формулировку.

Она была сухой и почти скучной.

Именно поэтому мне понравилась.

Ни слова об убийстве принца. Ни обвинений. Только время пожара, незарегистрированный лабораторный сектор, эвакуированный работник, опечатанные материалы и девятичасовая задержка каравана.

— Подписи, — сказал Холм.

Первым подписал Крост.

Потом Мира как архивный свидетель.

Потом я.

Торен остановился.

— Я временно отстранён. Моя подпись даст Совету повод объявить запись частью неподчинения.

— Тогда не подписывайте как магистр, — сказала я. — Подпишите как свидетель пожара, если ваш закон допускает.

Холм листал правила в конце книги.

— Допускает. Имя, статус на момент события, текущий статус отдельно.

Торен взял перо.

Я увидела, как оно едва заметно дрогнуло в его правой руке. После вчерашней магии пальцы ещё слушались хуже.

Он подписал левой.

Курьер ничего не мог отменить. Для этого пришлось бы изъять книгу у лицензированного перевозчика и объяснить страховщикам, почему государство редактирует причины задержек караванов.

Цена у решения тоже была.

Она проявилась почти сразу. Курьер Совета потребовал копию записи «для приложения к приказу». Холм открыл правила Лиги на последней странице книги и ткнул пальцем в строку о праве страхователя, владельца груза или суда получить копию после регистрации спора.

— Совет Девяти — высшая власть Севера, — сказал курьер.

Холм не убрал палец со строки.

— Тогда высшая власть пришлёт судебное требование с номером дела. До этого книга остаётся у Лиги.

Курьер сжал челюсть, но листа не получил.

Я наблюдала за этим с неприятным удовлетворением. Стоило факту выйти из нашей закрытой цепочки, как у него появились собственные защитники — не союзники, не сторонники Лавинии Орсен и не люди Торена, а те, кто просто не хотел отдавать государству право переписывать свои книги.

Крост тем временем потребовал от Миры расписку за расходный журнал лаборатории. Он больше не соглашался на устное «потом оформим». Мира составила акт передачи на две страницы: состояние переплёта, число сохранившихся листов, следы огня, отсутствие трёх последних страниц, номер футляра и подписи четырёх свидетелей. Я проверила формулировку о происхождении книги. Там сначала стояло «изъята из лаборатории Белого Уступа». Я попросила заменить на «обнаружена в незарегистрированном лабораторном секторе под Белым Уступом».

— Разница? — спросил Крост.

— Первая формула заранее утверждает, что лаборатория принадлежит крепости. Вторая говорит только то, что мы доказали.

Он долго смотрел на меня, потом сам исправил строку.

Это был небольшой эпизод, но полезный: Крост впервые не защищал удобную версию крепости, а защищал точность своей подписи.

Через час Холм отправил своего младшего возчика вперёд с копией страницы для страхового посредника. К вечеру запись прочитают на двух постах. Завтра — в Медном Броде. Послезавтра она могла дойти до Лиоры раньше официального сообщения моей миссии.

Я больше не контролировала, кто узнает о лаборатории и в какой формулировке её перескажут.

Для дипломата это почти физически неприятно.

Но закрытая информация уже дважды работала против нас.

Мы выехали из Белого Уступа под двойной охраной. Крост оставил у нас расходную книгу по акту временной передачи, потому что Мира доказала: архивный режим не отменён. Обгоревший фрагмент с семёркой лежал в её металлическом футляре. Нерна повезли в крепостной лазарет под отдельной записью, а копию его первичного показания Мира запечатала при нём.

За воротами дорога резко пошла вниз.

Через полчаса мы остановились у старого камня, отмечавшего границу крепостного округа. Именно там кровь под моей печатью начала нагреваться.

— Сейчас? — спросил Торен.

Я кивнула.

Мира достала журнал. Ярек расставил людей по дороге. После нападения на северном тракте Ярек больше не считал остановку просто остановкой.

Торен назвал цель, риск и альтернативу, как мы договорились.

Я положила руку на камень.

Холод ушёл.

Кровь двинулась сразу.

Боль была резче, чем прежде. Я стиснула зубы и смотрела на линии. Семь, найденная в лаборатории, отозвалась коротким углом у запястья. От неё потянулась новая дорога на восток.

Мира развернула карту.

— Медный Брод.

Я уже видела совпадение.

Но другое заметила раньше.

Возле основания указательного пальца проступил знак: маленький квадрат с диагональной чертой и две точки рядом.

Я знала его.

Северан Авель рисовал такой значок на моих учебных ведомостях возле расходов, спря-
танных не в неверной цифре, а в неверной категории.

Он называл его «чужой формой».

Торен посмотрел на моё лицо, потом на знак.

— Вы его знаете.

Не вопрос.

Я могла сказать, что знак распространён. Возможно, так и было. Могла отложить объяс-
нение до более удобного времени.

Вместо этого я закрыла пальцы.

— Знаю, где его видела.

Мира перестала писать.

— Где?

Я посмотрела на дорогу к Медному Броду.

— В своей канцелярии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.